

Калдовские

Миры

ХОЗЯЙКА «ЛОГОВА»

АРДМИР МАРИ

Ардмир Мари
Хозяйка «Логова»
Серия «Колдовские миры»
Серия «Хозяйка «Логова»», книга 1

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22477590
Хозяйка «Логова»: Издательство «Э»; М.; 2017
ISBN 978-5-699-93779-0

Аннотация

С недавних пор жизнь на дальней заставе круто изменилась, а свод моих правил пополнился тремя новыми пунктами.

Первый: убегая из родного «Логова», не стоит возвращаться за нерадивой помощницей, спорить с командиром отряда захватчиков, угрожать ему тесаком, да и в целом травить его воинов дурманом. Наказуемо неприемлемым предложением и невозможностью отказать.

Второй: соглашаясь на фиктивный брак, не стоит поить демона коньяком, интересоваться тайнами новой семьи и спорить с деверем. Последствия необратимы.

Третий: если брак был нечаянно узаконен, помни – помимо супруга и дополнения к фамилии, ты получишь защиту его рода, реликвию рода и... кучу проблем этого рода.

И вроде бы ничего страшного, но как теперь жить?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	30
Глава 3	53
Глава 4	81
Глава 5	102
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Ардмир Мари

Хозяйка «Логова»

© Мари А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Дом спал, погруженный в темноту, в камине столовой завывал ветер, и в такт его гневному гласу дружно вздрагивали ставни, лестница и я. Побег из родного детища под стройный храп чужеземных воинов, быть может, до глупого безнадежен, но я верю в удачу и тихо крадусь в столовую, чтобы оттуда через маленькую кладовочку выбраться во внутренний двор, перемахнуть через заборчик и, если судьбе будет угодно, подобраться к конюшне, оседлать лошадь и ускакать. К заросшему оврагу, туда, где меня ждут еще двое беглецов.

Так уж повелось: сторона, проигравшая в войне, отдает свое добро победившей, и хоть были мы сбоку припека и никому даром не сдались, нашей заставой распорядились как добром. И моя харчевня вместе с постоялым двором, гордо именуемые «Логовом», отошли чужаку. Вот только ни я, ни люди мои к нему как ранее не прилагались, так и теперь не будут. Потому и бежим от родных стен под покровом ночи. Ну, кто бежит, а кто попутно инспектирует работу помощниц, и ладно бы специально старалась, так нет же, исподволь! Мой взгляд по привычке ловит все недочеты: не заштопанные со вчерашнего вечера ковры, не заделанный скол на второй ступеньке, толстый слой пыли под лавкой, паучка, растянувшего сеть между столбиками перил...

Он-то тут откуда? Ведь еще три дня назад попросила вы-

нести!

Чуть не начала искать банку, чтобы снять поселенца и на улицу спроводить, да вовремя себя остановила. Что мне, делать нечего? Я же отсюда бегу, пока на тарийских воинов дурман действует. И надо бы уже забыть, что еще час назад была здесь полноправной хозяйкой. А впрочем, что, как не личные правила, делает нас людьми? Смахнув восьмипалого умельца на... на немытый пол столовой, я юркнула в нишу кладовочки, попутно головой сорвав клочок паутины и наступив на кучку наметенного мусора. Руки от злости сжались в кулаки.

Ладно я, тетеря перепуганная, резни боявшаяся, в эти дни ни есть ни спать не могла и мало что замечала, но Тороп-то, бывший вояка с холодным сердцем и тяжелой рукой, куда смотрел? Неужели не видел, что вокруг творится?

Сорвав оставшиеся клочки паутины с притолоки, помянула помощницу.

Ох ты ж Гайна, ленивая бестолочь! Мало того, что хозяйку с потрохами захватчикам сдать вздумала, так еще и расчет за «проделанную» работу взяла на неделю вперед. Дура пусто-головая! Погоди, мерзавка, судьба за меня тебе еще воздаст.

Подумав так, открыла потайную дверку, подняла поклажу, спущенную сюда моими мужиками, и, прошмыгнув по коридору, через заднюю дверь вышла во двор. Заборчик перемахнуть и в конюшню войти незамеченной не составило труда, но стоило оседлать мою пегую лошадку, как близ стой-

ла появилась тень.

– Куда собралась, хозяйка?

Тихий голос Сато Суо резанул по ушам не хуже стали по стеклу.

– На прогулку, – постаралась я выговорить спокойно и без дрожи. Старик подошел ближе, сгорбленный, сухой, как ветка, прищурился с улыбкой, напоминающей волчий оскал.

– С поклажей? – Слуга «доблестного» Инваго Дори, коему отдали в управу «Логово», внимательно осмотрел меня с ног до головы, подмечая мужской охотничий костюм и плащ, подбитый барсучьей шкурой, сапоги на толстой подошве, пояс с иглами и кинжал, который я накрыла рукой.

Уверенность в том, что он попытается заступить мне дорогу или вырвать поводья с каждой секундой росла, но Суо лишь требовательно повторил:

– С поклажей? – И голос его был тих и спокоен, а взгляд настолько чист, что я не посмела ни огрызнуться на него, ни прогнать.

– Так холодно. И в лес я надолго. Птицы набить. – Один предлог был хуже другого, но меня уже было не остановить. – Они как раз токуют. За ельником на поляне.

– Тетерева? Ночью? В декабре? – брови слуги медленно поползли вверх.

– Самое то! – Быстро вскочила в седло и, сдавив пятками бока Мартины, направила ее к выходу. – Утром ворочусь, моргнуть не успеете.

Глупая шутка, но слов обратно не вернешь, а сердце от предчувствия беды заходится в бешеном темпе.

Уеду, уеду, уеду! Я уеду и меня ему не остановить. Шаг, еще шаг...

– Не дури, – полетело мне в спину.

– Не буду, – пообещала я, не оборачиваясь. Капюшон на голову накинула, морозный воздух вдохнула и закашлялась, услышав:

– Отец твой не ушел, мальчишка тоже. Неужели оставишь на расправу их?

Тороп и Тимка все еще здесь?

– Ты врешь, – обернулась я. Суо не ответил и, поглаживая грубо обтесанные доски стойла, как бы между прочим продолжил гнуть свое:

– Сама посуди. Отряд моего господина только что вернулся с войны, грязи насмотрелись, крови напились и по нежной любви соскучились...

– Их здесь нет, – прошептала для себя, но в голову уже закралась душераздирающая мысль. Остались... Не ушли.

– Вояка твой, может, и стар, а вот мальчишка... – Я зазмурилась, сглотнула, а слуга Дори ехидно напутствовал: – Да ты езжай, езжай, и я тоже пойду...

Не дослушав, пришпорила Мартину, и та сорвалась с места, словно бы только этой команды и ждала. Ветер, завывая, пригоршнями бросал в лицо ледяную крошку, трепал волосы и капюшон, рвал на части душу, и лес, словно бы оста-

навливая, ветками цеплял мой плащ, тянул назад и насыпал на пути снежные барханы.

«Тора! – звучало в ушах жалобно и обвинительно, – Тора... вернись!»

Задышающаяся, со слезами на глазах я остановила лошадь. Огляделась, желая узнать, как далеко меня занесло. А вокруг белое полотно поля, тут и там прорываемое сгорбленными стеблями колосьев, погибших от раннего мороза и потому не убранных. Я летела вечность, а оказалась всего-то в семи милях от родного уютного детища. Захотелось броситься в снег и разрыдаться от бессилия и злобы на себя. Снедают сомнения и в сердце пробирается ужас. А вдруг они не успели уйти? Вдруг их кровати пусты потому, что Торопа и Тимку в подвале закрыли? Вдруг уздечек и седел не хватает потому, что лошади оседланными снаружи стоят? Видела ли я, убегая, их следы? Нет, не видела. И в то же время я и лошадиного ржания не слышала, а значит, права. Они ушли.

Но вдруг Суо не врал, что тогда? Тогда... Чтобы их отпустили, я посулить могу все, что угодно, а сделать и того больше. Но вряд ли тарийцы, истосковавшиеся по женской любви, послушают – оставят бесправной заложницей для улады. Вот только не у одного... урода-муженька, а у двенадцати. К горлу подступила тошнота, стоило только представить Тимку в их руках. Ни за что и никогда я не оставлю своих на расправу, даже мысли себе такой не позволю! И уж лучше я время потеряю, но вернусь и проверю слова старика, чем

буду мучиться неизвестностью весь путь до оврага.

Я круто развернула Мартину и пришпорила ее в попытке успеть до того, как действие дурмана развеется и чужеземные воины очнутся, как от похмелья. И разом изменилось все! Ветер подул в спину, плащом укутывая, лес смилиостивился и расступился, пряча колючие ветки, и, расчищая путь назад, сугробы отпрянули от дороги.

«Тора! – послышалось мне удивленное, а затем с отчаянием горькое: – Тора, куда ты?»

– Домой за тобой, – прошептала я, подстегивая мою пегую бежать быстрее.

Казалось, на возвращение я потратила от силы минуты три. Влетела во двор и, прыгнув с лошади, помчалась проверять конюшню. Стойла все так же были пусты, крючки для седел и упряжи тоже, но знакомое ржание раздалось за стеной, и сердце мое остановилось, а затем и вовсе оборвалось. На негнущихся ногах я покинула теплые стены денника, завернула за угол и с немой оторопью посмотрела в сторону харчевни. Там под окнами столовой переминались стреноженные скакуны: один с белым пятном на боку, второй с заплетенной в косу гривой. Конь Тимки тревожно похрапывал и бил копытом, а верный спутник Торопа стоял, понутив голову. Оседланы, нагружены сумками и без седоков...

Суо не врал.

Безмолвная и вмиг обессилевшая, я упала на колени, минуту, а может, и две сидела неподвижно и старалась сглот-

нуть подступивший к горлу ком, успокоиться. Не получилось. Зачерпнула снега в ладони, окунула в него лицо. Вдох, медленный, со всхлипом, выдох, встаю. И в голове бьется мысль, если Тороп с концентрацией дурмана в вине не напутал, то у меня еще есть на спасение мужиков десять, а то и пятнадцать минут. Но, видимо, не судьба нам бежать сегодня – стоило мне сунуться в заднюю дверь харчевни, как она закрылась на засов, отрезая путь, и тяжелые руки опустились мне на плечи.

– Вернулась...

Я узнала его и вздрогнула, с трудом соображая, с какого бока на поясе висит кинжал, а где разместились иглы. Хотя к чему оружие, если от этого умельца мне не вырваться, как ни рвись. Силы не равны, и будь я хоть трижды отчаянной, но не пойду против командира отряда. Так уж повезло мне со слухом, запоминаю всех по характерным тембрам голосов. И сейчас, ощущая, как руки тарийца, в сущности, потомственного убийцы, медленно ползут с моих плеч, на талию и разоружают боевой комплект, я негодовала. Ну почему? Почему меня не встретили Асд или Гилт? С ними, быть может, я и договорилась бы, не в первый раз вижу. А с этим как?.. Ну почему мне навстречу вышел сам Инваго Дори? Чтоб его!..

Оставшись без плаща и пояса, я попыталась вырваться из «объятий» новоиспеченного хозяина «Логова», но он не дал мне отойти, встряхнул как куклу, пригрозил:

– Не делай глупостей, Тора. Погуляла и хватит. Теперь иди...

– Куда?

– Завтрак готовить, – с усмешкой ответили мне и подтолкнули в сторону кухни. – Что-нибудь сытное. А то из-за вина твоего мало что остается в желудках, – слышалось уже из столовой, куда он ушел.

Из-за нахального тона тарийца, да и странности его действий я на кухню вошла покорно, зажгла огонь по привычке и, лишь взявшись за сковороду, остановилась.

Что я делаю?! Он, может, не убил меня и не избил, под одежду не полез и удовлетворять себя не заставил, но и моих мужиков не отпустил. Так какого... я буду сейчас готовить?

Схватив несколько малых ножей и самый большой тесак, я вошла в столовую вслед за командиром вражеского отряда.

– Дори! – позвала, не разжимая зубов.

– Что, уже готово? Или уже и съедено? Что-то не чувствую запаха, – устало усмехнулся раскинувшийся в кресле «вельчак», и его поддержали кривыми улыбками все те, кто должен был спать. Бледные, с осунувшимися лицами, они смотрели на меня мутными злыми глазами, но не спешили трогать. Трое человек сидели на полу, трое – на скамье у гаснущего камина, и только двое лежали на столах под присмотром Сато Суо.

Я зло прищурилась и удобнее перехватила тесак. Если нового хозяина «Логова» убить не смогу, то старому подонку

точно голову отрублю.

– Тора, иди готовь. Не трать время ни мое, ни свое. – Дори скосил глаза на мои руки, хмыкнул и с намеком произнес: – А если мясо нужно нарубить, попроси Асда. Он тебе не откажет.

Названный в мгновение ока оказался за моей спиной, протянул руку за кухонным инвентарем.

– Отставить! – рыкнула так, что вымуштрованный воин стал по струнке и только через секунду опомнился, но ничего сделать не успел.

– А ты... – первый нож плавно вошел в сидение кресла промеж ног их командира, – немедленно отпусти, – второй нож вошел в подлокотник, – Торопа и Тимку! – третий выбил бутылку из руки тарийца и вонзился в стену над его головой.

– Иначе что? – Дори дал знак, и моя шея оказалась крепко сжата.

Не знаю, откуда силы взялись, но я сделала шаг в сторону, соединила руки и двинула локтем назад. Удар получился, как о стену, болезненный, зато удачный. Мне повезло задеть незажившую рану Асда. Он ослабил хватку и согнулся, а я, получив свободу, занесла над ним тесак.

– Иначе вот что!

Я не успела досказать угрозу, тесак не успел преодолеть и четверти пути к могучей шее, как волна плотного серого тумана прокатилась через столовую и, ударившись о стену, уплотнилась. Все замерло. Время, воины, сердце... Мое

сердце сжалось от ужаса, потому что я знала, что это за туман, знала, кто способен его призвать, и холодела от мысли, что под крышей моего уютного детища оказался маг. Проклятый искусник мрака, способный всего одним пассом остановить жизнь в целой деревне, наслать на закрытый город мор и выжечь лес. Бесчеловечный, беспринципный... и обессилевший, лежит сейчас где-то на полу, еле-еле ворочает сухим языком, просит воды, которой никто не подаст. Ведь все те воины, что были здесь, пусть и темные личности, но все же люди. Застыли, как и я. Ничего не видят, ничего не слышат и с места сдвинуться не в силах.

– Дура! – рявкнули у самого моего уха и выдрали из одеревеневших пальцев тесак. Увесистый шлепок пониже спины и очередное оскорбление от командира отряда последовали незамедлительно: – Еще б немного, и разорвал идиотку на куски... Мозгов хватило на раненого оборотня напасть! Дура, как есть дура...

Инваго Дори? Да как так? Он же человек!

Я не поверила своим ушам, но это действительно был он. Говорил легко, двигался свободно и не чурался моей неподвижности, немоты и слепоты. Подарил еще один шлепок и пару-тройку нелестных определений, а уже затем уставшим голосом похвалил расторопность старика Суо и спросил у Гилта, как себя чувствует Асд. Правда, самого вопроса я толком не расслышала, потому что в голове звенело: «Маг и оборотень! Сильный маг и раненый оборотень в моей харчевне.

Провалиться мне на этом самом месте, в «Логово» забрели нелюди. Маг, оборотень и...»

– Живой, – ответили ему и, чуть шипя, посетовали: – Вязать не сстал. Ему и бесс того доссталось. – Не держи меня туман, я бы с воплем осела на пол. Вампир! – Ссато, спасибо, что прикрыл, я бы не успел... – поблагодарил кровопийца старика и тот закашлялся, как и полагается изможденному заклинанием магу.

– Сам не ожидал... и от себя, и от нее.

От меня?

– Да, с виду тихая, зар-р-раза. – А это уже оборотень голос подал.

– В тихом омуте!.. – хмыкнул Дори. Он наконец-то от меня отступил и с сыновней заботой предложил воды обессилевшему Суо.

– Воды я и сам возьму, – ответил маг. – А вы лучше хозяйке тесак верните и уступите Асду место. Сил на долгое заклинание не было, туман вот-вот опадет.

Картина моего мира в эту долгую минуту не просто пошатнулась, она тотчас поменялась! Так, значит, старик – проклятый искусник мрака. Асд – волчара облезлый, Гилт – клыкастый кровосос. А Дори... Кто в таком случае он? Что за тварь?

– Держи, прелестница. И больше не глупи.

В мои пальцы вернулся тесак, и теплое дыхание коснулось щеки, а дальше... Щелчок пальцев мага, тихий рык обо-

ротня, согнувшегося передо мной, и звонкое «Бум-дзынь!» от тесака, упавшего вместе с туманом. Не знаю, что хотел разыграть этот квартет, участия в их действе я не приняла. Как ошалелая начала отступать к двери подальше от бледных людей, настороженных нелюдей и Дори, что не спускал с меня холодных, цинично прищуренных глаз.

– Так ты хотела, чтобы я освободил Торопа и Тимку? – спросил он, возвращаясь к диалогу, прерванному мной.

– А разве мы их закрывали? – потирая ушибленную грудь, спросил Асд, и его слова поддержал вампир:

– Еще вечером пинком спровадили на вольные хлеба.

Я скосила взгляд на Суо, и он, всего на миг оторвавшись от кувшина с водой, ответил:

– Не сердись. Мне надлежало вернуть тебя, потому как с господином ты не говорила.

С господином, ага, как же! Маг в услужении, где это видано? Мысленно пожелала ему подавиться и быстро преодолела оставшееся расстояние до двери, нащупала и схватилась за ручку.

– С этим разобрались, – подвел черту Дори, по одному выдернул ножи из кресла и стены и вспомнил о насущном: – Так что там с завтраком? Скоро будет подан?

– Как только приготовите, – выдохнула я, едва скрывая радость. Моих мужиков здесь нет, можно бежать без оглядки к оврагу или в его направлении. Вряд ли они далеко ушли, быть может, только до неубранного поля, где мне слышал-

ся голос Тимки. – Харчевня ваша, постоянный двор тоже ваш, все ваше. Вещи, кухонная утварь и запасы, конюшня, все... Лошадь оставляю, плащ не возьму, оружие вы уже сняли... – Открыв дверь, медленно протиснулась в коридор, продолжая лепетать: – Золото на кухне в стенном шкафу и за бутылками в подполе, серебро в конюшне, правый столбик первого стойла. Медь не хранила, тратила. Сама в услужение не пойду и людей своих не пушу...

– Тора, – угрожающе произнес командир отряда и поднялся с кресла, а я уже захлопнула дверь, задвинула засов и побежала. Шаг, второй, третий... туман.

– Что за напасть с этой бабой?!

Это еще разобраться надо, у кого и с кем напасть! Мысленно возмутилась я и уже приготовилась к очередному увесистому шлепку, однако дождалась иного. Дори взял меня за подбородок и приподнял голову. Создавалось ощущение, что он внимательно осмотрел мои уши, затем глаза, а после с тихими проклятиями полез проверять зубы.

– Мракобесье! Неужели ведающая... – Спасибо, пальцы в рот не засунул, посмотрел на клыки и мрачно спросил: – Гилт, Асд, я просил найти человека. Слепую, как все, но вменяемую. А вы... Что за дрянь вы мне подсунули?

– Человека, – ответили те в голос, ничуть не покривив душой.

– Я останавливался в «Логове» несколько р-р-раз, будь она ведающей или хотя бы видящей, не пустила бы на по-

стой, – припомнил оборотень. – Не готовила бы мясную запеканку лично для меня.

– А меня она штопала, – словно бы хвастаясь, поведал вампир. – И то, что я восстановился быстро, не заметила.

Как же, заметила. Но Тороп сказал: «Значения не придавай. У нас на дальней заставе выражение – меньше знаешь, лучше спишь – не просто поговорка, а пилюля от душевного расстройства». Вот я и не заострила внимания, о чем сейчас очень и очень сожалею. Глядишь, и не стала бы человеком, подходящим для их нужд.

– И как вы объясните ее побег?

– Пр-р-редсвадебным испу... – Асд не договорил, тихо охнул, а затем прорычал сквозь стиснутые зубы: – Да шутил я. Чего ср-р-разу кулаками?

– Это мой просчет... – кашляя признался Суо. – Туман забвения из непрочного плетения вышел, она вас слышала. А сейчас еще и увидит.

И действительно увидела. Будь моя воля, еще бы и заорала, но смогла лишь тихо мыкнуть и отступить.

– Плетение распадается. Держите ее, иначе убежит, – предупредил старик слабым голосом. И как по команде – жуткий черный кровопийца крыльями перекрыл проход к задней двери, огромный серый оборотень закрыл проем на кухню, а Дори протянул ко мне руки. Простые человеческие руки с мозолями, обветрившейся кожей и трещинками, что появляются от холода, но они меня напугали больше всего. По-

тому что если Гилт и Асд в тумане приняли вторые свои обличья, а маг засветился рунами, этот не менялся совсем. Выглядел как человек, говорил как человек, улыбался и двигался как человек... но вряд ли был таковым. И мысль «что он за тварь?» вновь стала главной.

– У-убе... ру... – получилось промычать у меня и, увильнув от загребущих лап командира отряда, кинуться на грудь оборотня и опять задеть его рану.

– Р-р-р! – раздалось надо мной.

Не отрывая взгляда от тарийца, я шарахнулась в сторону и отдала ногу вампира. Тот, понятное дело, зашипел. Я дернулась в сторону мага. Наступил черед нанести вред и ему, но меня перехватили.

– Нам надо поговорить, – произнес самый жуткий из людей. Притиснул к себе одной рукой, второй перехватив мои кисти, и преспокойно понес наверх в выделенную ему на ночь комнату. Шел Дори в крошечной тьме и ни разу не споткнулся. Отсчитал нужное количество дверей, уверенно открыл ключом свою и, распахнув с пинка, стал как вкопанный.

Я не могла видеть то, что видит он, света от угольев, тлеющих в камине, было недостаточно, зато прекрасно расслышала сонный голосок Гайны, томно вопрошающей: «Инваго, это ты?»

О! А ленивая бестолочь все еще тут и очень даже неплохо устроилась. Хотелось сказать: «Урод тарийский», но промы-

чать удалось лишь:

– Ур-р... тари... – и этот звук вывел воина из оцепенения.

– Забыл, – произнес он чутко покаянно и вышел вон, соответственно и меня вынес, а затем дверь на ключ закрыл. Интересно, зачем. Бойтся, что мерзавка сбежит? Однако зря, она о такой «работе» мечтала давно, теперь вцепится, не отпустит.

– Где твоя комната, Тора? – вывел меня из раздумий вопрос нового владельца «Логова». Услышал мое бу-бу-бу и передумал спрашивать: – Побереги силы. Сам найду.

И нашел безошибочно. Дверь отворил аккуратно, внес и опустил меня на кровать бережно, разогнулся, улыбнулся и неожиданно мягко произнес:

– Торики ЭлЛорвил, выходи за меня.

Он в своем уме?

Я несколько раз моргнула. А Дори выждал минуту, внимательно наблюдая за выражением моего лица, и только после этого продолжил уже совсем другим тоном.

– Да, особо удивляться не стоит, – отмахнулся он от моего ошарашенного взгляда. – Но именно это я хотел сказать после того, как тайно приехал сюда, показал дарственную на «Логово», разместил своих людей на ночлег, заказал ужин, помылся и вышел к тебе, дабы поговорить. Только это и ничего больше.

Верилось слабо. Мне было хорошо известно, что творят тарийцы на захваченных или отданных им в откуп землях.

И как расходятся их действия с обещаниями, я тоже знала.

— Я хотел тихо-мирно уладить вопрос и законно оформить твоё дальнейшее полноправное хозяйствование в «Логове», хотел нормально отдохнуть и отбыть следующим же утром, а что получил взамен? Бессонную ночь, невменяемый отряд и задержку на несколько дней. — Произнося это, даже руки на груди сложил, качнулся на пятках. — Я просил подать мясо, ты приготовила рыбу, которую мы не то что есть, видеть не можем после двух месяцев плавания. Просил дать воды, ты разлила всем вина... — Тут он явно хотел сказать, что напиток был с примесью, но промолчал, зато приступил к главному: — Просил подать ужин в спальню и подождать меня, сидя на кровати. — Хорошее уточнение, будто бы я знать не знаю, что все это значит. — Но к моменту моего возвращения там уже вольготно разлеглась твоя помощница.

— Бе... ня... жечка, хотел отдох... а тут пришло... окучи... вать, — вырвалось у меня.

— Что? — Он щелкнул пальцами, и голос ко мне вернулся вместе с пониманием — лучше промолчать. Дори не просто подлый тариец, он явно хуже! — Повтори, — потребовал воин, склонившись надо мной и окунув в странное мерцание холодных глаз.

Нет уж, проще ответить на ранее поставленный вопрос.

— Инваго Дори, независимо от того, где и когда ты сделал своё предложение, мой ответ был и остается — нет. — И по возможности отсела подальше, настороженно глядя на него.

– Я это уже понял. – Тариец подался вперед, сократив между нами расстояние, и опять чуть ли не дышал в мое лицо. – Интересно другое, зачем среди ночи тебе потребовалось отвлекать меня девкой, травить моих людей вином, распускать прислугу и сбегать? Жить надоело?

– Наоборот.

Хотелось сдвинуться на середину кровати, а затем еще чуть дальше и еще. Но его рука накрыла мои колени и придала к матрасу, а сам он вкрадчиво произнес:

– Я слушаю.

– В смысле, жить как раз-таки хотелось, – ответила коротко и абсолютно честно. – Людей твоих я не травила, а всего лишь одурманила... малой концентрацией, – в последнем уверена не была, ибо Тороп смешивал. Но все же! – А помощников распустила, чтобы были свободны от дарственной нашего правителя. Захотят к тебе на работу податься – придут и на новых условиях заключат договор, не захотят, будут вольными. А что до Гайны, – тут я помедлила, прежде чем ехидно заверить: – она к тебе пришла по собственной воле, и ты сам на нее отвлекся.

– Я думал... – начал Дори, но замолк, прожигая меня хмурым взглядом.

– Ты думал, что это я пришла за любовным решением вопроса. – Кривая усмешка коснулась моих губ и расплзлась в широкую улыбку. – Но учитывая, что в темноте ты видишь прекрасно, появляется вопрос, что же ты не посмотрел

на ее лицо. Некогда было? Сильно... устал.

Сказала и окаменела, потому что глаза его потемнели и сузились, ничего хорошего не обещая. И я в который раз мысленно стукнула себя по лбу. Из-за тактичного поведения командира отряда все время забываю, что он не простой мужик, с которым можно пререкаться, а тариец. Да и вообще не мужик, а нелюдь, правда, не кровожадный какой-то.

Медленно вдохнула, зажмурилась на мгновение и выдохнула. Моя реакция на мою же смелость чужеземного воина несколько позабавила, холод из его глаз ушел, вот только расчет остался.

– С этим разобрались, – подвел он черту всему вышесказанному. – Теперь скажи, что делать будем с «Логовом»?

– Что хочешь, то и делай. – Пожала плечами и посмотрела на руку, что до сих пор пригвоздила меня к матрасу. – А теперь отпусти. У меня в поле люди замерзают, мне нужно к ним идти.

– Не могу. Ты слишком много слышала и видела. Так что утром проведем быстрое бракосочетание и законно закрепим...

Договорить я ему не дала:

– Во-первых, ничего я не слышала, во-вторых, я против брака как такового, в-третьих, мне плевать на «Логово»!

– И именно поэтому ты последней из него убегала?

– Я искала Гайну! Увидела ее плащ, подумала, что девчонка попала в беду...

– Обошла все спальни и нашла ее у меня, – понятно кивнул он, – много узнала?

– Достаточно... – я брезгливо скривилась. Видение того, как мерзавка, стоя на четвереньках, сдает меня с потрохами, пока «уставший» воин без устали вколачивался в нее сзади, вызывало острый приступ злости. Зря я эту дуру искала и хотела спасти.

– Я тоже узнал достаточно. – Тариец убрал руку с моих колен и разогнулся. – Поэтому хозяйкой остаешься ты, и женой будешь тоже ты.

– Нет! – Мгновенно вскочила на кровати и посмотрела на командира отряда сверху вниз, и пусть выигрыш был всего лишь в пять сантиметров, следующие мои слова прозвучали твердо: – За тебя – никогда.

– А причины? – Кажется, я его развеселила. Или не я, а мои тщетные попытки спрыгнуть с кровати и отправиться за Торопом и Тимкой. Дори легко пресекал все мои увертки и попутно забавлялся. – Неужели настолько плох? Не хорош собой? Недостаточно богат? Или тебя расстраивает, что во все время супружества я буду далеко-далеко от вашей заставы?

– Если будешь далеко-далеко, – фыркнула я, в который раз оторванная от пола и воздвигнутая на кровать, – то твоя внешность, характер и достаток ничего не значат. И ответ мой все тот же – нет. Уж лучше за Асда подамся, – буркнула я, чем повторно его рассмешила и выиграла бесценные

доли секунд. Мне их хватило на то, чтобы прыгнуть с кровати, достигнуть двери и бросить ехидное через плечо: – А хочешь, чтобы я была хозяйкой, ты ему «Логово» передай!

Вру, конечно, замуж мне совсем не надо.

Довольная, я выскочила в коридор, но не успела ступить и шага, меня вернули в спальню на кровать. Видимо, у тарийца пунктик – вести переговоры на мягкой горизонтали.

– Асд тебя не возьмет, побоится прибить во время очередной твоей вспышки.

– А он разве не будет далеко-далеко?

В ответ получила отрицательный мах головой и сообщение, опередившее мою новую идею:

– А Гилту ты наступила на мозоль, так что тоже нет.

Припомнила прошлые встречи с кровопийцей и хмуро заметила:

– Я не ссорилась с ним. И никогда гадостей не говорила.

– В прямом смысле на мозоль наступила. Вампир, как и оборотень, ради спокойствия остальных членов отряда не позволяет ранам быстро заживать.

– И травятся, как все? – ехидно напомнила о дурмане.

– Нет, тут ты не угадала. Они его не ощутили, и артефакт сработал не сразу... – На несколько мгновений тариец задумался, а затем, прищурившись, спросил: – Не расскажешь, кто и что подмешал? Мне бы очень хотелось поговорить с этим мастером по душам. И напомнить ему, что нападение на отряд верноподданных воинов...

А дальше он, внимательно вглядываясь в мое лицо, с удовольствием перечислил меры наказания для провинившихся и бунтовщиков, ясно давая понять, что меня не отпустят. Не для того вернули назад, не для того оставили в живых после брошенных в командира ножей, занесенного над Асдом тесака и тем более отравления всего отряда.

Выставив руку вперед, я оборвала поток его слов и попыталась не представлять себе все те пытки, о которых Дори так самозабвенно вещал.

– Я поняла. Я остаюсь. – И, переходя на тихий сип, сказала: – Но женой не стану.

– Лед тронулся, – кивнул тариец и вышел, чтобы отдать приказ на чистом тарийском языке: – Гилт, слетай к неблагодарному полю, что раскинулось на пути к оврагу. Там должны быть ее холо... помощники, – тактично исправился Дори. – Назад верни обоих, не таясь.

– Зачем? – не понял кровопийца. Видимо, совсем не часто ему позволялось летать во втором обличье.

– Чтобы не смели хозяйку на побег подталкивать. Сдается мне, они знали, кого пустили на постой...

Я слышала его слова словно сквозь воду, принятое решение ножом резало сердце и переворачивало душу. Слезы побежали на глаза, но я с остервенением смахнула их и сжала кулаки. Не время плакать о судьбе, это ранее я бесправной была, сейчас же все права себе выбую.

– Они не холопы. А мои названные брат и отец, – сооб-

щила воину, которого ничуть не удивило мое знание тарийского.

– Тем лучше, – бросил он, перейдя на мой родной язык. – Значит, будешь под двойным присмотром и побоишься послушаться.

– Что тебе надо?

– Для начала? – поинтересовался воин и сел на кровать. – Нерасторгаемый договор между нами, лучше всего брачный. Чтобы узы были если не кровными, то близкими к ним.

– Я сказала – нет.

Он просиял издевательской улыбкой.

– Суди сама. Удочерить тебя я не могу, ты не в том возрасте. Стать твоим пасынком тоже не получится, отец мой давно похоронен, к тому же, как на мать, я на тебя смотреть не смогу. В сестры ты не годишься по той же причине, вот и остается...

– Уж лучше в заложницы долга, – прошептала я после недолгого раздумья, и ответом мне была тишина. Я не смотрела на воина, поэтому и не заметила, когда он успел лечь, закинуть руки за голову и засопеть с довольной полуулыбкой на губах.

«Придушить бы его сейчас подушкой и все проблемы с концом, у «Логова» новый хозяин, у меня вольная жизнь», – подумала зло и вздрогнула, услышав:

– Твоих помощников я доставил. – Гилт обернулся за три минуты и теперь стоял в дверном проеме, прожигая меня

взглядом удлинённых желтых глаз и стряхивая снег с кожих крыльев. – Разберешься с ними и завтрак приготовь.

Двухметровый монстр не был обнаженным гибким хлюпиком, коими кровопийцы принято изображать на фресках храмов. Каким в человеческом облике был, таким и остался, за одним исключением: мощную шею, широкую грудь и плечи, бугрящиеся мускулами руки и ноги, пресс и все, что ниже, покрывала мелкая черная чешуя, более напоминающая тонкий костюм, а не кожу. Помимо глаз, в его лице ничего не изменилось, а темные, чуть выющиеся волосы стали длинней. Красивый даже в обличье вампира, жаль что нелюдь.

– Эх, думала нормальные мужики... – с этими мыслями вслух я вышла из комнаты и направилась к своим, тихо селуя, – а оказались... Один крылатый, второй хвостатый, а третий вообще невесть что. – И уже спускаясь по лестнице договорила: – Не то проклятый, не то заклятый, а может, полукровка... Недодемон.

Наверху что-то с грохотом упало на пол и со звоном разлетелось. Я развернулась, чтобы лично проверить нанесенный харчевне урон, но тихо крадущийся следом Гилт мне не позволил. Получилось у него это ненароком, грудью встретил мой лоб и нос, и последний чуть было не разбил.

– Спускайся дальше, я сама посмотрю.

– Но...

– Иди.

Эх, и не узнаю теперь, что это было. То ли Дори с кровати

упал, то ли Гайна полезла в его сундук и получила по рукам. Ну и ладно. Меня сейчас куда больше волновало, что сказать Торопу и Тимке, стремительно возвращенным домой.

Глава 2

Однако зря я беспокоилась на этот счет. Окоченевшие, они не то что говорить, сипеть не могли. Увидев меня, выдохнули с облегчением и продолжили трястись, прильнув к теплему боку кухонной печи. Оценив их состояние, я заставила Гилта и Асда поставить лохань посреди кухни, наполнить ее горячей водой и окунуть моих мужиков туда с головой. Растирала их настойками уже сама и сама же напоила горячим вином с перцем и травами. Крепкого питья сварила побольше, чтобы его хватило на два приема, но, вернувшись на кухню, поняла, что утром мои мужики получают лишь чай, а нелюди наказание. Причем немедленно. Гилт чистил картошку, Асд рубил мясо. Остальные воины под присмотром Суо все это время мирно храпели в столовой на полу. Обессиленные после дурмана, они через два часа там же и поели, один лишь командир отряда явился на кухню, чтобы сесть напротив моей сонной персоны и, сверля взглядом, ждать, что же я скажу.

Занимаясь готовкой, я многое обдумала и теперь хотела знать, насколько расширились полномочия бывшей помощницы и что стало с моими собственными. И, наливая тарийцу в кружку отвар из шиповника и дубовой коры, тихо заметила:

– Гайна все еще не спустилась вниз.

– И не спустится, – коротко ответил Дори, на корню зарубив мой следующий вопрос, но не возмущение.

– Опять отвлекся с нею? Ты хоть бы покормил, прежде чем...

– Она не спустится, потому что уже сидит дома. И не скоро высунется, – зло произнес он, оборвав меня на полуслове.

Я скосила взгляд на прихожую, где сиротливо висела одежка Гайны, и удивилась:

– Что, без плаща ушла?

– Без плаща, волос, платья и белья, – хмыкнул воин. – Дура полезла с ревизией в сундук и, выбирая самые дорогие изделия, повесила на шею два враждующих амулета. Отсюда – взрыв. От спальни осталась черная дыра, от моих вещей лишь пепел, а девка жива из-за реликвии, которую спрятала в лиф. Везучая, дрянь!

Он потянулся к тарелке и взялся за вилку, намереваясь есть. И это после того как сообщил мне о разрушении в моем... В его «Логове». Бестолочь! Я ринулась к двери, намереваясь оценить ущерб и внести его на счет хозяина, как вдруг услышала:

– Сядь, я не все сказал.

Я покорно вернулась за стол.

– В следующие полгода открывать дверь в покои не советую, иначе действительно станешь заложницей долга, – жестко произнес он, так чтобы поняла, это не совет, а приказ: дверь не открывать, на статусе заложницы не настаивать. По-

молчал немного и тем же тоном сообщил: – Бракосочетание проведем в белом храме на скале.

То есть брак будет признан и у нас, и у них. И я опять окажусь всецело подвластной мужу, а то и стремительно вернусь к бывшему?!

Сглотнула вязкую слюну, спросила сипло:

– Иначе никак? – Он не ответил, продолжая есть. – А может, у тебя брат есть какой-нибудь, сводный? Так, чтобы не тариец, но человек и кровный родственник.

Косвенный намек на свою нечеловечность Дори пропустил мимо ушей, поинтересовался только:

– Зачем тебе?

– Хочу стать твоей невесткой, хотя лучше бы вдовой. – Воин поперхнулся отваром, который только что глотнул, а я поспешила подать салфетку и объяснить: – Безутешной вдовой твоего сводного брата или безутешной женой невесты где пропавшего брата. В этом случае по закону харчевня твоя, и смотреть на меня ты сможешь как вздумается.

– Но вряд ли трогать, – напомнил он, обжигая холодным взглядом. Я не обратила внимания на явную издевку.

– Так есть такой?

– Нет.

– В таком случае я отка...

– Есть! – перебил меня Суо, объявившийся в дверях. Он медленно прошел на кухню и поставил на стол пустой кувшин. – Есть такой. Главный наследник рода Таллик Дори...

Вернее, был. Пропал лет пять назад во время первой военной кампании в ваши горы. Сорвался со скалы, упал в расщелину и не выбрался.

– Таллик, – повторила я задумчиво. – Родной брат, пропавший, но тариец.

– Не надо... – старик мягко прервал возмущившегося воина, опустив руку ему на плечо.

– Я понимаю, господин, вам больно о нем вспоминать. Но если бы у Таллика осталась в этих краях супруга, было бы куда проще все решить сейчас, – произнес маг многозначительно, и я начала что-то понимать в их недомолвках.

– У вас сложности с наследованием. Я права?

– Отчасти, – ответил Суо.

– Что-то значимое?

– Бесценное, – подтвердил старик и, сокрушаясь, проговорил: – Реликвия передается от первенца к первенцу, но Таллик сгинул в небытие, и теперь к родовому артефакту потянулись чуждые ему руки.

Дори заскрипел зубами и вскочил, желая высказать свое мнение, но лишь беззвучно прокричал его. Жилы на шее вздулись, ноздри расширены, на лице самый настоящий оскал, а сказать ничего не в силах. И по его гневно сверкающим глазам видно было – маг поплатится за временную немоту Инваго Дори.

– Господин крайне возмущен наглостью этих лиц, – объяснил Суо, указав на медленно звереющего воина и его мно-

гозначительные жесты. — Как видишь, он всех хочет нарезать на куски и затолкать им в глотку их же... — И уже укоризненно тарийцу: — Вам не стоит опускаться до подобных угроз в присутствии невестки.

Это было последней каплей.

Дори схватил искусника мрака за грудки и вынес на вытянутых руках вначале в коридор, а уже оттуда через двор в конюшню. И ничто его не остановило, ни усталая и в то же время лукавая улыбка мага, ни запертая с ночи дверь, ни разбушевавшаяся с новой силой метель.

— Хоть бы не помер, — покачала я головой, невольно записав старика в покойники.

— Что случилось? Кто собр-р-рался умир-р-рать? — в кухню из кладовой ворвался встревоженный оборотень, напугал меня своим рыком и чуть не получил кувшином по волчьей морде. Правда, вряд ли бы этот снаряд его остановил. Хвостатый нелюдь по размерам не уступал вампиру, а может, и превосходил его. По виду он был тяжелее и шире, что в груди, что в бедрах, шея так вообще — бычья, голова — как три мои. Словом, огромный и массивный, или это только кажется из-за шкуры. В книгах говорилось, что ни ходить как люди, ни говорить двуликие не могут, шкура на несчастных сморчках нарастает клочьями, взгляд безумен, пена капает изо рта. Эх, видели бы они экземпляр, что стоит передо мной, постыдились бы писать клевету на красавца с наглой мордой и возмущенным взглядом умных карих глаз.

– Тора! – сердито отфыркиваясь от пролившегося на него отвара, Асд уже человеком преодолел оставшиеся метры до стола. Со стуком поставил почти пустой кувшин и навис надо мной. – Прежде чем тарой кидаться, ты бы хоть опустошала ее.

– Некогда было! – прошипела я, прижимая руку к сердцу, выпрыгивающему из груди. – Бестолочь, хоть бы знак какой подал, прежде чем ко мне врываться, да еще в таком виде.

– В каком виде? – переспросил он, а затем смекнул. – А, в этом виде. Так привыкай, мы с Гилтом теперь часто будем здесь... защищать тебя, присматривать за «Логовом».

– А смысл? Если я выйду замуж за пропавшего брата Дори, то меня, как вдову, защищать будет род.

– Какого брата? – не понял Асд и тоже сел. – Нет у него брата.

– Сейчас нет, а раньше был, но сгинул. И звали пропавшего Таллик.

Оборотень мотнул головой, хотел сказать что-то явно важное, но тут дверь отворилось, и к нам влетел Гилт.

– Чего ссидишь? Я дал клич к сбору еще минуту назад! – Этот своего истинного вида также не стеснялся, но кувшин поймал аккуратнее, ни капли не пролил. Водрузил на стол, заметив коротко: – Не стоит хозяйской утварью кидаться. Дори не оценит.

– Инваго – нет, а Таллик – вполне, – хмыкнула я, уже мысленно представляя многочисленные плюсы этого брака. Ведь

чем знатнее род, тем больше возможностей открывается для носителей его имени. А значит, все товары из Тарии я теперь могу заказывать по сниженной цене.

Последнюю мысль явно произнесла вслух, и вампир фыркнул:

– Это меньшее из всего, что станет для тебя доступным. Но я понять не могу. – Он, как и оборотень, обернулся человеком и сел за стол. – Ты сказала Таллик, а не Инваго. Почему?

– Он мертв, – сообщила я, вызвав у нелюдей кривые ухмылки, – ну или пропал, потерялся. Да какая разница! Главное другое.

Что другое, они слушать не стали, переглянулись и поднялись, а я и не собиралась рассказывать. Краем уха уловила Тимкин кашель, прихватив растирку и питье, ринулась на помощь. Пока возилась с хрипящим братцем, то и дело бросала взгляд на Торопа, смиренно лежащего на второй койке. Мой названный отец давно проснулся и, как всегда, первым делом разрабатывал кисть, возвращая чувствительность немеющей со сна правой руке. Ранее он попутно обдумывал и проговаривал план действий на день, а сейчас решил по полочкам разложить провалившийся план побега.

– Тора, они нас выставили до того как уснули, но я был уверен, что ты успеешь сбежать.

– Я тоже.

– Так почему задержалась? – говорил он тихо, почти скры-

вая скрип голоса. – Неужели из-за Гайны?

– Из-за нее, – я всегда удивлялась проницательности бывшего вояки и мало что могла скрыть от него. Потому и говорила прямо, без утайки: – Плащ ее увидела и добрых двадцать минут искала глупую.

– Нашла.

– Да. В гостевых покоях, четвертая дверь справа.

– Лазила по сундукам? – нахмурился Тим, предположив самый большой, по его мнению, грех помощницы. В свои десять он о других пороках еще не знал.

– Действительно лазила, – кивнула я. – А в сундуке была... защита очень сильная, так что «Логово» лишилось гостевых покоев, а Гайна всех своих волос.

– Так ей и надо, – подвел итог малец и широко зевнул. – А с комнатой что?

– Закрыта. И в ближайшие полгода вход туда воспрещен.

– Почему?

– Потом расскажу, – пообещала я, уже точно зная, что наплету ему страшную сказку о злом черном лорде и долге, который живому отдать не под силу. Уж лучше испуг в шесть месяцев длиной, чем мальчишеский интерес и смерть; если повезет – быстрая. Я уложила зевающего, но все еще прислушивающегося к разговору Тимку, укрыла его одеялом и потрепала по макушке.

– Поспи еще немного, а потом я завтрак принесу.

Дождалась тихого сопения братца и пересела с растира-

нием к нашему вояке. Попросила оголить спину и грудь, а он с места не сдвинулся, продолжил допрос:

– Вернулась почему?

– Сато Суо обманул.

– Проклятый искусник мрака! – процедил Тороп сквозь зубы, с точностью распознав в старике одаренного. Уверена, мой названный отец вычислил мага, как только увидел тарийский отряд небритых и немых. И как всегда промолчал ради нашего с Тимкой спокойствия.

– И чем Суо тебя зацепил? Как заставил вернуться?

– Сказал, что вы остались в «Логове».

– И что с того? Остались бы ненадолго, потом бы выбрались. Я же тебе не раз говорил, нам с Тимкой уйти легче легкого, где бы ни держали, а ты... – И что сказать в свое оправдание? Что меня как дуру развели, сыграли на чувстве страха за близких?

– Я... он...

– Ну! – рыкнул грозно. И я, прикусив губу, глазами указала на спящего в другом углу ребенка. Вояка наш без уточнений все понял. – Ясно. Тебе пригрозили расправой над пациентом, а ты и повелась.

– Но я...

– Все еще в мужиках не разбираешься, – закончил за меня Тороп и укоризненно добавил: – Ничего бы они ему не сделали. Сама вспомни, Асд в прошлую зиму Тимку от медведя спас. А ближе к весне этот... как его? Гилт. Собственноруч-

но набил Тимкиному дядьке морду, за то, что тот на мальчика руку поднял. Такие люди служить верой и правдой бесчестному командиру не будут.

– Они не совсем люди... – прошептала я и даже рот прикрыла ладонью. Неужели они не видели, кто их с поля в «Логово» вернул?

– Ты уж не стесняйся, говори прямо.

– Я и сказала. Они совсем не люди, то есть, настоящие нелюди. Один вампир, второй оборотень, с ними маг и...

– Значит, мне не показалось, – прохрипел Тороп и с прищуром посмотрел на меня. – А ты тем более могла бы смекнуть, что нелюди вряд ли будут служить скоту. А раз Дори не скот, то и отряд его отнюдь не свора вшивых псов.

О том, что их принадлежность к хвостатым и клыкастым обнаружилась много позже, я не сказала. Да и нужны ли эти уточнения, если Дори сам непонятно что или кто, и замуж я выйду за его брата.

– Какого брата? – насупился вояка, едва я сообщила об этом.

– Старшего. Таллика. Пять лет назад он затерялся у нас в горах во время первой военной кампании тарийцев.

– Что-то я об этом слышал, а сейчас и не припомню толком. – Поначалу брови его сошлись на переносице, а затем резко взлетели вверх. – Так ты что же, замуж пойдешь? Не боишься, что тот... узнает.

– Скорее всего, я лишь бумаги подпишу.

– Вряд ли! – В дверях нарисовался довольный командир отряда. Мокрый, в давешней рубашке и штанах, единственной одежде, оставшейся от гардероба. – Вставай, одевайся. За потерашку пойдешь, задним числом.

– Ты же против был! – с недоумением воззрилась я на него.

– Передумал. – Кивком головы Дори поприветствовал Торопа и подскочившего на кровати Тимку, а мне сообщил: – К слову, надень что-нибудь светлое, мы выдвигаемся в храм. Светлое...

Светлого у меня не было. Ну разве что ночные рубашки и исподнее, и это вполне объяснимо. Когда я открыла харчевню «У ЭлЛорвил», прачечных на заставе не было, гладильных – и подавно, чего не скажешь о повышенной конкуренции в нашем деле. Вот почему для привлечения клиентов я застилала все кровати белым бельем. Но чтобы оно дольше радовало глаз, мне приходилось его вымачивать, выпаривать, отбеливать, отглаживать, а после этого еще и защищать от любителей грязи. Четырнадцать скандалов, девять обещаний отравить, одна попытка поджечь и с десятков – опоить в конечном счете привели к тому, что даже очень уставшие постояльцы вначале принимали ванну, а затем уж лезли в кровать.

Прививание новых привычек местному населению и приездим было делом нудным, зато прибыльным. Кто побывал в моей харчевне, спать на темном уже не желал, возвраща-

лись ко мне и придерживались установленных правил. И хотя на тренировку постояльцев ушло три года, она принесла тройную пользу. Во-первых, на заставе появился спрос на белую постель, а вслед за ним и пара прачечных с гладильными. Во-вторых, я, хорошо поднакопив за это время, приобрела землю близ харчевни и отстроила постоялый двор. В-третьих, излишняя строгость к гостям принесла мне известность в округе. Правда, вместе с ней и прозвище – Волчица. А все потому, что мужики, говоря о лучшей харчевне, первым делом вспоминали хозяйку, и не всегда добрым словом. Долго злилась на мерзавцев, пока Тороп не предложил сменить название, да так, чтоб оно увязало чистоплотность волчицы, харчевню и двор. Так появилось «Логово», знаменитое в округе белой постелью, вкусной едой и доброй хозяйкой, крепко невзлюбившей стирать что-либо светлое и, как следствие, носить.

Помимо светлого, я уж года три как не носила платьев, юбок и блуз, только рубашки, жилеты и штаны, плотные со сложными поясами и застежками. Скользнув взглядом по полкам и вешалкам, поняла – тариец моему выбору будет не рад, но что поделаешь, не все коту масленица.

Стянув с себя охотничий костюм, я долго выбирала между «тепло, но нетрадиционно» и «традиционно, но холодно». И отдала предпочтение первому варианту, логично рассудив, что ради брака с потеряшкой мерзнуть не обязательно, тем более прихорашиваться. Именно поэтому, когда двери хра-

ма за нами закрылись и хранитель брачных уз попросил всех присутствующих снять плащи, я оказалась одета, как Дори, в темно-серые плотные штаны и подбитую мехом куртку. Единственное различие: мои пуговицы были латунными, его – медными очень грубой работы, даже дешевой.

– А кто-то говорил о хорошем достатке, – напомнила я.

– Он же просил надеть светлое, – напомнил воин, внимательно осматривая мой наряд. – Если ты сейчас скажешь, что не взяла с собой подходящее к случаю платье, будешь стоять в белье.

Его угроза меня позабавила.

– Зачем? – распахнула я глаза.

– Чтобы по правилам провести обряд, ты должна быть в светлом.

– Ну, в этом случае мое белье тебе не поможет.

– То есть ты в темном?

Я подтвердила сей неприятный вывод простодушным кивком.

– Значит, постоишь в моем, – заявил Дори и, отступив к ближайшей скамье, начал разоблачаться.

Проделывал он это быстро и без стыда – явно сказывалась практика. А потому не обратил внимания ни на удивленного служителя храма, ни на тихие смешки нелюдей, ни на кривую улыбку Сато. То, что я стояла, закусив губу и сжав кулаки, воин явно принял за смущение или нетерпение, но никак не за попытку удержать рвущийся наружу смех.

– Что вы делаете? – спросил благочестивый Ясмин, когда мой будущий деверь уже сбросил куртку, шерстяной свитер и принялся расстегивать ремень, чтобы, выпростав из штанов рубашку, снять ее и всучить мне.

– Желаю провести обряд по правилам.

– Но мы уже лет двести не следуем старинным обрядам, не раздеваем дев и мужей, не требуем доказательств, – полетело в ответ укоризненное. – Вашим богам не обязательно видеть акт любви между супругами.

– Да нет же! – тариец в раздражении дернул пряжку и произнес, указав на меня: – Я просто хочу надеть на нее светлое...

– Не стоит. Белое при деве есть, – остановил его смущенный служитель храма.

– Где?

– Вот, – я повернулась к воину другим боком, чтобы продемонстрировать в простой, наспех сделанной прическе белый скальник – знак моей свободы, цветок, почитаемый в Тарии символом чистоты и света.

В отблесках свечей уже сбросивший с себя рубашку Дори выглядел невероятно воинственно и грозно: напряженная поза, натянутые жилы шеи, бугрящиеся мышцы рук и плеч... и только лицо портило всю картину. Правда, удивленное неверие, отразившееся на нем, быстро сменилось обещанием расправы, едва на закономерный вопрос «И это все?» он услышал:

– Этого достаточно.

– Достаточно? – прорычал тариец.

– Да. Дева знает законы Тарии. Достойная супруга, – сдал хранитель мою осведомленность и отошел, дабы зажечь ритуальные свечи, а затем истаявшим воском написать на камне судьбы руны брачной связи для меня и потеряшки.

– Позабавилась? – Горячее дыхание обожгло ухо, тяжелые руки опустились на плечи. Я всем телом вздрогнула, хотя и ожидала чего-то подобного.

– Скорее полюбовалась, – мягко решила его умаслить. Получилось или нет, не знаю, головы я к Дори не повернула, в очередной раз запоздало вспомнив, что с тарийцем шутить опасно.

– И когда же ты успела выучить наши брачные обряды?

– Было дело.

– Давно?

– Не так чтобы... – О бывшем муженьке вспоминать не хотелось, поэтому сообщила нейтрально: – Точно помню, на алтаре мы любви не предавались, значит меньше двухсот лет назад.

Воин шумно выдохнул, спросил сквозь зубы:

– Развелись?

– Поговаривали, что он женился повторно, и не раз... а наш брак аннулировал. Но узнать, так это или нет, мне было недосуг. Сам понимаешь: харчевня, двор, вы. Так что сейчас все и прояснится.

– То есть ты можешь быть замужней, – вкрадчиво поинтересовался Дори, и нелюди, стоящие в отдалении, навострили уши.

– Могу. Но не думаю, что это обидит потеряшку, женившегося задним числом. А если число будет очень задним, не исключено, что незаконным станет мой первый брак, а не второй.

– И это должно меня радовать?

– Не должно, но если ты порадуешься, будет неплохо, – подумала я ехидно и, как оказалось, вслух.

– Тора... – прорычал будущий деверь и сжал мои плечи.

– Да? – Пожалуй, мне не стоило поворачивать к нему голову, тем более ловить леденящий душу взгляд и улыбаться, спрашивая: – Хочешь еще что-то спросить?

– Скорее ответить, – произнес Дори по слогам, – и полюбоваться по ходу дела.

Всего-то рукой по моему бедру провел, и стою я у алтаря ни жива ни мертва, в сапогах, но без штанов.

– Все-таки белое! – Ухмыльнулся тариец, взирая на выглядывающую из-под моей куртки короткую сорочку. – На счет замужества тоже соврала?

– Н-н-нет, – простучала я зубами, не столько от холода, сколько от... испуга. Внимание этого недодемона к моим ногам недвусмысленно отразилось в потемневших глазах и ничего хорошего не предвещало.

– Жаль.

И в это самое мгновение к нам обернулся служитель храма, поставил свечи на камень судьбы, оглядел всех собравшихся и, отметив уже и мой полуголый вид, возмущенно воскликнул:

– Вы зачем деву раздели?!

– Жду не дождусь, когда смогу использовать ее по назначению, – ответил Дори и многообещающе улыбнулся мне.

– Что значит использовать? – в один голос спросили и я, и хранитель, а услышали невероятное:

– Поверьте, я не сделаю ничего нового. А кое-что ей даже понравится... Правда, Тора?

– Н-н-нет!

– Да.

Дернулась сбежать, но меня схватили и спиной прижали к голой груди потомственного убийцы, который с довольными нотками в голосе заметил:

– Дева нервничает, предлагаю более не откладывать обряд. Благочестивый Ясмин, благодарю за подготовку... Сато, приступай.

Суо – вот и ответ на вопрос о законности брака, оформленного задним числом. Этим нелюдям даже не потребуются доверенность, якобы подписанная потеряшкой, все будет сделано в самом чистом виде: запись на стене алтаря, свежая кровь Таллика, мое аннулированное замужество.

Маг взмахнул рукой, и служитель застыл, а свечи, что он так бережно поставил на камень судьбы, вспыхнули рунами

клятв и, кружась, поднялись под самый потолок белого храма. Засияли, вырезая на стене костяного алтаря два имени: мое и второго Дори. Вниз сыплется пыль и крошка, превращая растаявший воск в желтое золото. Еще несколько мгновений, и вот уже тонкие золотые струйки текут по камню судьбы, чтобы написать руны брачной связи. Красиво, волнующе и вместе с тем – ужасающе. Если воск застынет, я свободна от прошлого, если нет – мое прошлое «по воле богов» узнает: где я, с кем я и то, что я жива. Вот почему добрых три года подряд я уповала на слухи об аннуляции брака, но не стремилась в храм.

Тариец держит меня крепко, одной рукой под грудью, второй почему-то за бедро, выписывая большим пальцем узор на коже. Это, а еще напряжение, исходящее от него, тревожит и раздражает не меньше, чем улыбки двух нелюдей и внимательный взгляд мага, не сводящего с нас глаз. Золотые ручейки уже заполнили желобки брачных рун и соприкоснулись друг с другом, но не спешат застыть.

Чтоб тебя!.. Чтоб тебя!.. Чтоб тебя разорвало, ублюдок Урос!

А сквозь мысленные проклятия слышится, как Суо почти-тельно обращается к Инваго Дори:

– Сколько лет дадим, господин?

– Вначале покажи, кем был ее первый.

Не надо! Слова от ужаса застряли в горле, но искусник мрака понял меня:

– Она против.

– Имя, – потребовал тариец, сжав руку на моем бедре, и я затихла. Что спорить, он все равно сильнее, а захочет, так выбьет признание одной левой.

Легкий пасс рукой, и сияние, что вырезало на стене наши с потеряшкой имена, спустилось ниже, чтобы на алфавите алтаря, по одной высветить буквы ненавистного мне имени.

– Даруш Темный, – прочитал Дори, и два его преданных нелюдя тихо присвистнули. – Лорд Урос был твоим мужем? – не поверил воин, развернул меня к себе лицом и требовательно спросил: – Какой женой по счету ты у него была?

– П... п... – из-за страха и негодования выдавить из себя получилось только это. Он до сих пор меня ищет! До сих пор...

– Пятой? – предположил Асд. – Говорят, из семи его избранниц именно пятая пропала без вести. Сгинула в пропасти, как и Таллик.

– Вряд ли он до сих пор продолжал бы искать пятую, – Гилт смотрел не на смертельно бледную меня, а на камень судьбы и незастывшие струйки золота. – Скорее всего она была первой, любимой женой.

– Той, что пыталась его убить? – не поверил оборотень.

– Той, что убила, но не до конца – качнул головой вампир и поведал невероятное: – Лорд Урос не совсем человек, с примесью.

Урос никогда человеком не был. Грязный мерзкий тари-

ещ! Будь моя воля, я бы выкрикнула это, но смогла лишь промывать.

– И сколько длился брак? – встряхнул меня Дори, но услышал лишь очередное «П... п...». Догадался, что ответа не получит, обратился к нелюдям: – Гилт, Асд, сколько?

– Полгода. Затем случился пожар, унесший жизнь супруги, – ответил первый.

– И основательно поджаривший лорда, – добавил второй. Минута, в течение которой воин в раздумье смотрел на меня, а я – на пуговицы его куртки, казалось, растянулась в вечность. Вечность страха перед будущим и понимания, что будущего у меня больше нет. Если Темный не поверил в мою смерть и ищет до сих пор, значит, его обязательно оповестят о попытке связать мое имя с другим тарийцем, имевшей место быть в белом храме на дальней заставе поверженной Вдови. А еще это значит, что Таллик Дори бывший жених, несостоявшийся муж и верный гражданин своей страны должен в сжатые сроки вернуть меня «скорбящему».

– Чтоб тебя... – простучала я зубами, зажмурилась и горящим лбом ткнулась в грудь несостоявшегося деверя. – Чтоб тебя!..

– Не проклинай понапрасну, – усмехнулся он и сцепил руки у меня на спине.

– Господин, время, – запинаясь, напомнил маг. – Сколько лет дадим?

И голос, что еще минуту назад изменил мне, неожиданно

вернулся:

– Каких лет? Вы в своем уме? Я все еще замужем... Меня до сих пор разыскивают! Я бесправная собственность такого же мерзавца, как ваш командир! Я...

– Пять лет. – Сжав в объятиях, как в тисках, Дори оборвал меня на полуслове и пояснил: – Чтобы брак совпал с началом войны.

– Инваго! – Еще один сумасшедший на мою голову!

– Мне понравилась идея с очень задним числом. Уверен, Темный взял Торику замуж силой, и она ему тогда наплела не меньше, чем мне сейчас. Вполне могла заявить о страшной болезни, беременности, долге заложницы, о муже, воюющем на границе, и об обязательствах перед ним...

Было. Все так и было. С одним отличием:

– Я не врала, говоря об избраннике. Правда, на тот момент он был лишь женихом, вдовийцем, к тому же незнатного рода...

– Это все и решило, – подвел черту Дори и уверенно повторил: – Пять лет.

– Прекрасный ход, – согласился Суо и взмахом руки совершил невозможное – опустил имена брачующихся вниз по алтарной стене, где они замерли на нужной отметке, получив не только свободное место, но и печать времени: мелкие трещинки, костяную пыль, небольшие сколы. И золото в желобках камня судьбы тотчас застыло, узаконивая ложный брак.

– Вот и все, – усмехнулся Дори и закрепил одну из рун

на моем предплечье. И когда только он его оголил? – А ты боялась.

Недоверчиво прикоснулась к холодному металлу, и золотое плетение отозвалось слабым сиянием и теплом. А в храме уже звучали слова, завершающие обряд бракосочетания:

– На веки вечные соединяю вас Торику ЭлЛорвил и Таллик Дори в нерушимую пару имени двоих. ЭлЛорвил Дори.

– До конца дней твоих, до конца дней моих, – неожиданно произнес Инваго и требовательно посмотрел на меня.

– Повторить?

Кивнул.

– Зачем? Для такого завершения обряда здесь должен стоять жених собственной персоной и...

– Хочешь вернуться к лорду? – просто спросил он, и я без запинки выпалила клятву.

– Молодчина, – похвалил он меня, – а теперь поцелуй. – И с этими словами наклонился к самому моему лицу, будучи полностью уверенным в том, что я и сейчас послушаюсь беспрекословно.

– С чего вдруг? Ты мне деверь, – прошипела я чуть ли не по слогам и услышала невероятное:

– У вас с Талликом сегодня годовщина. Пять лет.

– Это еще не значит, что я должна с поцелуями набрасываться на всех его родственников.

– Ты права, – сокрушенно согласился новоявленный деверь и спросил: – А поздравить я тебя могу?

– Да. Верни мои штаны. Холодно.

– Лучше я тебя так согрею, – хмыкнул он, преодолевая последние сантиметры ко мне.

– Чтоб те...

Волна нежности от прикосновения горячих мужских губ прошла по телу вначале мелкой дрожью, а затем и колючей болью, пробивающей кожу тысячами игл. Вцепившись в плечи тарийца, сквозь зубы застонала, а этот безумец усилил напор, сильнее прижимая к себе и вызывая новую боль, судорогой скрутившую мышцы, а за ней еще одну – волной выкручивающую кости из суставов. Это длилось недолго, но мне хватило, чтобы тряпичной куклой обмякнуть в руках Дори и не реагировать ни на шлепки по щекам, ни на свое имя.

– Тора? Торики, приди в себя, мы еще не закончили, – прорычал воин, но ответа не добился.

Я погрузилась во тьму, сквозь которую змеями текли золотые струйки, вычерчивая руны брачной связи, переплетаясь друг с другом... А где-то за пределами их танца раздосадованный деверь почему-то принимал поздравления от Асда, Гилта и от служителя храма, который непрестанно восхищался тем, что наша нерушимая пара ЭлЛорвил Дори пережила войну двух государств и отметила годовщину повторным произнесением клятв. О том, что мы оба были не совсем одеты, он не вспомнил, как и о том, что менее получаса назад мы были чужими людьми.

Да, Суо действительно сильный маг.

Глава 3

Проснулась в предрассветной серости с четким осознанием – пора уходить.

Я, Тороп и Тимка покидаем «Логово», оставляем за спиной родные стены, а также всю одежду, утварь и сбережения. Последние я особо не прятала и даже оставляю... нет, уже оставила записку об их местоположении. Вон она лежит.

Взгляд привычно скользнул на столик у двери, но натолкнулся отнюдь не на столик и лист бумаги, белеющий на нем, а на массивную фигуру с листком в руке.

– Даже так?! Неожиданно, хотя теперь и понятно, – насмешливо прокомментировал неизвестный одну из строк послания, и я, узнав его голос, вспомнила. Мой непутевый побег и возвращение, спор с тарийцем, запугивание расправой, вынужденное согласие на брак и обряд. Хотя последнее, как и перелет из храма, прошедший в объятиях Гилта, помнился смутно, в отличие от поздравления и поцелуя, коим меня осчастливил Инваго Дори. И едва вспомнила о трех волнах боли, окативших меня с ног до головы, как в теле проснулись их отголоски.

– Чтоб тебя!

– Вернулась... – Воин в мгновение ока оказался рядом, помог сесть.

– Больно! – Я скривилась, попыталась оттолкнуть его, но

даже руки поднять не смогла.

– Тихо-тихо, не шевелись. Сейчас пройдет. Пей. – Он поднес к моим губам чашу с водой и настоятельно посоветовал: – До дна.

Пить не хотелось, но мысль о том, что с тарийцами спорить опасно, пришла вовремя. Я безропотно открыла рот. Первый глоток позволил свободнее вздохнуть, второй расслабил мышцы шеи и плеч, третий принес свободу рукам. Я шевельнула пальцами и потянулась перехватить чашу.

– Нет, – пресек Дори мою инициативу. – Пей.

Выпила до дна, как велено. И, ощутив наполняющие меня спокойствие и легкость, уже куда более миролюбиво заметила:

– Тебе стоило меня предупредить... там, в храме.

– Я не знал, – повинился он тихо. Поставил чашу на пол и присел на кровать.

– И что это было?

– Привязка к хранителю рода. Как сказал Сато, будь контакт более глубоким и с девственницей, боли было бы в разы меньше, а через поцелуй и при помощи мага...

– Жива, и на том спасибо, – небрежно отмахнулась я, заметив со смешком: – Теперь понятно, почему у тарийцев вторые браки так редки. Они не хотят становиться вдовцами у алтаря. Или вдовами тоже? – лукаво покосилась на воина.

– Напрямую с хранителем рода связаны только мужчины. И да, второй брак не лучшая идея... – произнеся это, Дори

помрачнел. Минуту молчал, буравя взглядом свои руки, затем качнул головой и уже деловым тоном продолжил. – Теперь о хорошем. Защиту я на тебя накинул, владение харчевней узаконил, деньги оставил. О лорде Уросе можешь не вспоминать, любая попытка предъявить на тебя права закончится для него плачевно.

– Почему? – За три года волнений о своей судьбе я прочла о законах Тарии все, прямо или косвенно касавшееся брака, и не нашла там даже лазейки для спасения. И тут вдруг – защита. А ведь я прошла всего лишь привязку к хранителю рода.

– Потому что ты жена Таллика Дори, наследника рода и бесценной реликвии. И до тех пор, пока твой супруг жив, ты вне опасности.

Своевременное уточнение.

– И с чего вдруг такая уверенность, что он жив? Пять лет прошло, а твой брат не вернулся и никак о себе не сообщил.

– Хранитель – это не просто звук.

– Но... но... как же тогда брак?! – я подскочила на подушках, одарив деверя гневным взглядом. – Получается, хранитель знает истинную дату, знает о вашей авантюре и он...

– Дал согласие на все, провел привязку через поцелуй и прекрасно понимает, как это важно для Талла и рода. К слову, – едва заметная улыбка, – меня просили передать тебе это.

На безымянный пальчик моей правой руки скользнул тя-

желый перстень с красным прозрачным камнем в грубой оправе. Он, как и руна, откликнулся на прикосновение слабым сиянием и теплом, но изумилась я другому:

– Ваш хранитель разумен... Он что, живой? Так это он меня?.. – закрыв рот рукой, оторопело посмотрела на воина. Моя реакция немало его насмешила.

– Хранитель – это дух, испокон веков оберегающий наш род. А целовал тебя я. И на будущее, не все тарийцы мерзавцы, мой отец, например, был человеком, достойным уважения. – С этими словами мой вроде как деверь встал. – И да, совсем забыл...

– Что? – спросила настороженно. С этого станется напоследок ляпнуть гадость.

– В погоревшие покои не входи. Защита защитой, но все-таки убереги себя от соблазна. Асда я забираю, Гилт останется на несколько ночей, может, и дольше. – И улыбнулся, вопрошая: – Поцелуешь на прощание?

Вздрогнула всем телом и поежилась.

– Лучше я просто тебя провожу до двери. Входной. Хочу быть уверенной в том, что ты уехал.

– Одевайся, – милостиво предложил воин и ухмыльнулся, когда я заметила, что на мне, кроме кольца и золотой руны, больше и нет ничего.

– Дори!

– Подожду за дверью.

Он ждал не за дверью моей комнаты, и даже не за входной

дверью харчевни, догадливый мерзавец вскочил на коня и уехал достаточно далеко, когда я выбежала его «проводить». Оружие жгло руку, а с языка рвались проклятья.

– Тарийская свинья! – прошипела я и с досадой пнула снежный ком, и тот не разлетелся на тысячи снежинок, а налип толстым слоем на мои сапоги. Странное свойство снега, вчера же только насыпало. Я нахмурилась.

– Кто-то проснулся не в духе, – слышался рядом голос Асда.

– И это после трех дней беспробудного сна, – вторил ему Гилт.

Как три?!

И уже оба в один голос поприветствовали меня:

– Доброе утро, Тора. Прекрасно выглядишь в этой охотничьей куртке поверх сорочки... Со взведенным арбалетом в одной руке и иглами в другой...

– И вам не хворать, – я обернулась к улыбчивым нелюдям, успевшим неслышно ко мне подобраться. Оглядела их с ног до головы, сделала в памяти зарубку: оба одеты для дальних поездок и оба без лошадей. – Где остальные?

– Отряд отбыл еще двое суток назад вместе с Сато Суо, – улыбнулся вампир. – Дори уехал лишь минуту назад...

– И очень спешил, – поддакнул двуликий.

– Мои люди где? – уточнила я хмуро и разрядила арбалет в ближайший столб. Провалилась бесчувственной трое суток, чтоб этого Дори и его привязку к хранителю!

– Тороп и Тимка на кухне. В «Логово» ночью прибыли новые постояльцы, попросили что-нибудь легкое приготовить, – ответили они мне, опять-таки в один голос. Переглянулись заговорщически и сообщили: – И чтобы путаницы не было, прими как данность – мы теперь тоже твои...

– В смысле? – Что-то не нравятся мне их улыбки, кажется, зря я разрядила арбалет.

– В смысле – холить нас нужно и лелеять. Эх, темнота! – Асд шагнул ближе, поцеловал в лоб и отступил. – До встречи, Тора.

– А... – Я не успела ничего сказать, на месте, освободившемся от оборотня, оказался вампир, поцеловал в щеку и отстранился со словами:

– До вечера. Кстати, сегодня четверг и на ужин будет шашлык из барашка, да? – Я кивнула, и кровопийца обнажил клыки в улыбке. – Вот, слышал? Обзавидуйся, хвостатый! Это тебе не какая-то там мясная запеканка...

* * *

Сколь ни странно, но после того, как все прибыльные местечки на нашей заставе были распределены меж новыми хозяевами, резни не началось. Никто из чужеземных захватчиков не пытался заселиться в самые богатые дома, не лез к женщинам и детям, не унижал мужчин, не устраивал расправ над провинившимися, если таковые были. Тишина и покой

вернулись к нам спустя две недели, которые и запомнились лишь тем, что в белом храме на скале прошла серия бракосочетаний меж прошлыми хозяевами и нынешними для, так сказать, законного оформления собственности. Удивительно, но тарийцы не особо верили в дарственные Оргеса IV, волей которых им от щедрот правителя Вдовии отошли харчевни, постоянные дворы, прачечные, гладильные, кузницы, торговые ряды, лавки кожевников, мастерские древесных и каменных дел, небольшой участок леса с родником и заброшенная угольная шахта, что стояла на взгорье.

Создавалось ощущение, что вояки, потом и кровью послужившие своему государству, совсем не верили гербовым бумагам, ожидали изменения в настроении властей, а потому и не особо у нас оседали. Договор подписали, брак оформили, деньгами расплачиваться обязали и отбыли восвояси. В сущности, все происходило точь-в-точь, как с Дори, правда, тот сам оставил мне приличную сумму золотом да еще Гилта в помощь подрядил.

Знать не знаю, чем кровопийца среди бела дня занимался, но был он как штык на каждом ужине. Садился за самый дальний стол, с наслаждением съедал всю порцию жаркого, иногда заказывал вторую, а затем с ехидной усмешкой писал что-то на листке и прятал его в черном конверте. Конверт исчезал с белой вспышкой и через минуту возвращался с красной, и чаще всего свое открытие сопровождал тихим, пробирающим до костей рыком. Ответ писал Асд. Я узнава-

ла его по свойственной оборотню эхообразной вибрации голоса и всякий раз улыбалась их мальчишескому соперничеству. Делать нелюдям нечего, хвастаются ужинами...

Именно так я и считала, пока в один из вечеров кровопийца не подозвал меня к себе. Он указал на соседний стул и, свернув только что полученный листок, сказал:

– Садись, Тора.

– Что-то случилось?

– Ничего страшного. Сюда идет посылка из Тарии, – обронил он. Взглядом указал на кувшин, и я поняливо обслужила вампира. Налила чашу темного терпкого чая, подала.

– Посылка... Неужели мой заказ прибыл? Наконец-то. А то я уже умаялась без скребков сковородки драить и казаны начищать. К тому же горелка для каминов вот-вот закончится, а там новый запас, – прошептала обрадовано. Все же в наши холода топить дровами или тем же углем слишком муторно и дорого. То ли дело тарийский ангедон, или как его в простонародье зовут – горелка, налил на красные угольки десять капель и сэкономил целую вязанку дров. Двенадцать часов держит тепло, ворошить не нужно, раздувать не нужно. Красота! Но самым важным в заказе были ткани. Белые на постельное белье, темно-синие на шторы и светло-голубые на скатерти, чтобы вновь блеснуть новинкой перед постояльцами. Ведь как сказал мне один из постоянных посетителей «Логова», нашу заставу ждут золотые времена. Здесь будет проходить дорога, соединяющая две столицы ранее враждеб-

ных государств. И как назло, все захапали тарийцы.

– Нет. Посылка не твоя, – разрушил Гилт все мои надежды. – Но тебе придется переправить ее в Тарию.

Теперь понятно, зачем Дори золото оставил, непонятно другое...

– Куда переправлять? – переспросила, не веря собственным ушам. – И как? А главное, с кем? Сейчас начнутся бури посильнее прошлой.

– С... – Он долго подбирал подходящее слово, а в итоге выдал: – С обозами. Придут со стороны моря.

– С какими обозами, с какого моря? В ближайшие месяцы или даже полтора никто в своем уме и доброй памяти не рискнет сунуться через льды залива в Заснеженный, а тем более подняться от него на нашу заставу.

– Ради хорошего вина пройти по льду километр-другой... – начал кровопийца, но я перебила:

– Двадцать километров! К тому же порт будет в пятиметровых сугробах. Там народ выживает только потому, что они всем скопом каждую зиму от дома к дому роют в сугробах тоннели.

– Теперь ясно, почему Заснеженный не удалось обнаружить во время войны.

Я только фыркнула, краем глаза отслеживая работу прибирающих со столов помощниц.

– Его не обнаружили только потому, что сюда соваться смысла как нет, так и не было. Да и чего ради? Наша застава

побольше будет, но до нее еще требуется добраться по тропе, продуваемой всеми ветрами.

– Ради твоей постели... – многозначительно протянул вампир.

– Хорошо, – отмахнулась я и подхватила его тон, – ради моей постели на такие жертвы пойти и впрямь не грех, но дальше-то куда?

– Через перевал, – милостиво пояснили мне.

Вот тут я уже вспылила:

– Гилт, обоз, если таковой и будет, застрянет на перевале под каменными обвалами, так и не добравшись до тропы, ведущей в Тарию! Людей поляжет... А, все там и останутся.

– А кто сказал, что обоз будут сопровождать люди. – И улыбнулся, обнажив клыки. Одна из моих помощниц, подметив этот оскал, осенила себя священным знаком.

– Свят! Свят! – слышалось с ее стороны.

Увалень уже не впервой делает так, чтобы симпатичная пышка Ася уверовала в его нечеловечность. Вот же... вампир недоделанный! Я под столом пнула Гилта ногой и послала девушку в кухню.

– Да что ты дерешься постоянно? – прошипел клыкастый умник, потирая голень. – Им нужно привыкать уже к стороннему вниманию. Как-никак, все обозы останавливаться будут у тебя. А там от десяти до двадцати вампиров быть может, парочка собак, и все до ба... женских ласк голодные.

В глазах у меня потемнело, сердце сжалось, и сама не за-

метила, как начала громко вопрошать:

– То есть я назад вернулась и обряд бракосочетания прошла, чтобы вы мне здесь дом терпимости развернули?!

– Тора... я пошутил. Прости, забыл... – зашипел Гилт, запоздало сообразив, что сболтнул, но меня уже было не унять.

– Подлец! Свинья! Козел... – Я не мелочилась понапрасну, не хваталась за ножи и вилки, не била тарелки о его голову, а сразу же взялась за деревянный поднос. Удар наотмашь, справа, слева, опять справа... первые два вампир получил, от третьего ушел, растворившись в воздухе. И я рухнула на скамью, стуча зубами от ужаса перед содеянным и кашляя из-за сорванного голоса. – Если хоть один, хоть раз... Я сожгу «Логово» и подамся в бега! И плевать мне на ваши законы и условия, я здесь главная и я не позволю...

А у самой мороз по коже. Я только что побила кровопийцу! Что же я наделала?!

– А вот и хозяйка! – огласил всю харчевню радостный голос и отвлек меня от нарастающей паники.

– Как и обещали, истинная волчица! – Ко мне подлетел маленький пухленький мужичок в белом тулупе до пола, напоминающий подвижного снеговика. Склонившись надо мной, он приник к дрожащей руке поцелуем и торопливо представился: – Эванас Тюри, директор театра Тюри, преданный поклонник красоты и таланта незабвенной Алиссии Тюри, моей супруги и звезды...

– Театра? – спросила сипло, все еще не веря в то, что вам-

пир не растерзал меня за покушение на свою клыкастую персону.

– Всея Вдовии, – хмуро поправил меня гость и отступил. – Разве вы не слышали о ней в этой глу... на этой заставе? – Я помотала головой, и он посмотрел на потолок со вздохом. – Алиссия мне этого не простит. – А затем, словно бы вспомнив о чем-то важном, опять затараторил витиеватыми фразами то, что уложилось бы в два слова: – Прошу простить, я не надеялся дозвониться до вас от ворот, тем более докричаться в этой метели, потому пересек ваши владения, чтобы лично зарекомендовать себя и заказать номера в самой гостеприимной харчевне.

– Комнаты, – уточнила я, продолжая не верить своему счастью. Жива и невредима, а Гилта рядом нет. – Я сдаю комнаты.

– Как? – директор театра и поклонник кого-то там даже попятился. – Разве у вас нет номеров с отдельными ванными комнатами и кабинетами, где моя дорогая супруга смогла бы тренировать свой дивный голос?

И столько недоверчивого возмущения, словно бы я обманом заманила его в свои владения и деньги за недельный постой взяла наперед.

– Нет. – Подходящих покоев с ванными комнатами и гардеробными, которые вполне могли сойти за кабинет в «Логове», была лишь пара: мои и те, что выгорели при косвенном участии Дори и непосредственном – Гайны.

– Но мне сказали... – он весь как-то разом сник.

– Кто? Где? Когда? – поднялась я, нависнув над притихшим Тюри.

– Да все! Куда бы мы ни обратились на этой заставе и в нижнем городке, все хозяева харчевен, гостиниц и дворов направляли нас к вам. И неустанно нахваливали номера с кабинетами, ванными и...

Не знаю, что там было за «и», но в следующее мгновение «Логово» огласил громкий и весьма продолжительный звон колокола, коим в надежде достучаться явно били о ворота.

– Кого там демоны принесли?!

Выглянувший из кухни Тороп пересек столовую и, прихватив куртку, вышел в заднюю дверь.

А директор театра несчастным голосом ответил:

– Алиссию принесли... – Он дрожащей рукой стянул шапку и шарф, явив миру и мне холеное лицо мужчины, еще не перешагнувшего сороковку, внушительную плешь в русых кудрях и большие серые глаза, бездонные озера отчаяния. Кажется, театру со звездой повезло больше, чем господину Тюри с женой. Мне хватило одного взгляда на человека, только что спасшего меня от расправы клыкастого «шутника», чтобы проникнуться его печалью и решиться помочь.

– Вы к нам... на заставу надолго?

– На три дня, – произнес он и поежился от очередного и, пожалуй, еще более громкого удара колоколом о ворота. – Хотим пересечь перевал до того, как здесь выпадут снега.

Хотя поначалу думали обогнуть мыс на корабле, но капитан уверил нас, что путь через горы совсем недолог. И в Заснеженном подтвердили, всего-то пару тройку километров вверх...

Я подняла брови, не зная, что и сказать.

Пара-тройка? Через горы? Да только до нашей заставы не меньше семи километров по чистому склону, а дальше-то все сорок.

– Так, и что за умник вам такое сказал? Один из пьяных постояльцев какой-нибудь харчевни?

– Нет-нет, хозяин клялся из этого... «Пятака», – заверил меня директор театра и, прижав шапку к груди, пробормотал: – И осенив святым знаком, он нас послал...

– Куда?

– К вам. Но мы не сразу решились, поначалу явились на постоянный двор Серого, а от него в маленькую гостиницу «Шкура», затем «Шалашок», «Бельгийские огни», «Бравый Кутя»...

– «Бравый Кузя», – поправила я, даже не представляя, почему конкуренты из Заснеженного, да и капитан корабля обманули несчастных супругов Тюри.

– Что? Ах, да-да, простите. Но к тому времени на долину уже опустились сумерки, я не разглядел, – проговорил он, задумчиво поглаживая свою шапку.

– Погодите, вы что же, только с корабля?

– Не только. Уж семь часов как... – И так тоскливо про-

изнес, что я сама чуть слезу не пустила, ощутив все тяготы его долгого дня, а может, и жизни.

– Останетесь у меня. Я предоставлю самые лучшие комнаты из возможных, а если не понравится, уже утром вы сможете...

Во дворе слышалась возня и ругань Торопа, а затем истошный вопль отнюдь не дивного голоса:

– Эванас?!

Громкий окрик перепугал помощниц, вернувшихся в столовую, чтобы завершить уборку. Они скрылись за спасительной дверью кухни и, кажется, даже задвинули щеколду.

«А вот и мадам Тюри, – подумала я, потирая засвербевшие уши. – Однако звучная особа, вон и директор, явно привыкший к ее голоску, как-то странно покачнулся».

– Тюри! – судя по растущей громкости злобного зова, мадам приближалась, а вместе с ней и порок сердца у ее супруга. Мужчина хирел на глазах: бледнел, покрывался испариной, но молчал и не спешил встретить ненаглядную у порога. В этот миг я постаралась заверить предобморочного директора театра, что волноваться не о чем. Их я, так и быть, размещу в своих покоях, а сама посплю у Тимки в комнате.

– В общем, если вам не понравятся комнаты, я легко подберу гостиницу, подходящую под ваши запросы... – И тут истеричное восклицание мадам: «Где ты, дорогой?!» – перебило не только мои слова, но и все первоначальные требования ее супруга, низведя их до нуля.

– Нет! Прошу вас, не гоните! – неожиданно взмолился Тюри чуть ли не на коленях. Вернее, он на них все же плюхнулся, но, оглянувшись на двери, вскочил и затараторил, нещадно комкая в руках шапку: – Хотя бы две ночи или жалкие двенадцать часов отдыха. Нас семь человек. Супруге отдайте все самое лучшее, остальным – что придется. Я сам готов спать на сеновале...

– Зачем же такие крайности?

– Чтоб выспаться наконец-то, ссупруга его досстала, – раздалось надо мной вампирское шипение, и я, как подкошенная, упала мимо стула. Ударила локоть и бедро и напугала Тюри ошарашенным взглядом. Гилт здесь, но я его не вижу!

– Что случилось? – будущий постоялец поспешил мне на помощь, и в этот самый момент от двери раздалось:

– Вот, значит, как ты ищешь нам ночлег?!

Мы так и застыли – я на полусогнутых, а супруг звезды натужно сопящий, но крепко удерживающий меня со спины обеими руками под грудью.

– Атасс! Вот это подсстава! – раздалось веселое и шипящее сверху, а затем уже сдавленное и печальное позади меня:

– Алиссия мне этого не простит.

Надо отдать должное Тюри, он меня не бросил, помог добраться до стула и, разогнувшись с кряхтением, сообщил ворвавшемуся в столовую снеговiku, то бишь супруге:

– Звезда моя, я с трудом выбил для тебя лучшие комна-

ты в «Логове»! Поэтому не обижай хозяйку, гостеприимно принявшую нас под крышей этой харчевни.

И ревнивый огонь в глазах гостьи немедленно сменился оценивающим взглядом, который медленно заскользил по обстановке столовой. Она прошла по кругу, стараясь ни к чему не прикасаться, затем остановилась напротив настороженных нас и вздернула носик.

– Надеюсь, наше размещение будет бесплатным, Эванас. Я не собираюсь платить за постой в этой ночлежке, несмотря на крайне гостеприимный прием...

– Конечно, да! – заявил директор театра и тут же одними губами прошептал мне: – Двойная плата за постой, только не гоните.

– Вы что же, и за сеновал заплатите? – тихо удивилась я, краем глаза отслеживая передвижения мадам Тюри, брезгующей всем, что не соответствует ее «королевскому» вкусу.

– За сеновал втрое, только сразу укажите, куда идти! – прошептал он, удерживая на лице маску всепоглощающего внимания к супруге.

– Выходите через заднюю дверь, возле кухни. Первое здание слева, – провела я краткий инструктаж.

– Благодарю, – едва заметно кивнул невероятно сговорчивый постоялец и переступил с ноги на ногу, явно выжидая подходящего момента, чтобы скрыться.

– Вы, мой дорогой, видели ворота этой лачуги? А колокол? Я не говорю о дворе, загаженном лошадьми! А здесь, –

Алиссия продолжила осмотр столовой, но в этот раз уже с прощупыванием подушек на стульях и простукиванием деревянной обшивки стен. – Фи! Какая мерзость, эти стены и полы, столы, не покрытые скатертями, и эти скамейки...

– Здесь есть стулья, – поспешил сообщить Тюри, – но для тебя, душа моя, я обязательно найду кресло!

– С красным сиденьем и круглой спинкой... – послышалось от снеговика капризно.

– Да-да, именно такое! – заверил ее супруг и исчез не хуже вампира, ни одна половица под ним не скрипнула, не хлопнула задняя дверь.

Мы с мадам остались тет-а-тет, и она, встретившись со мной взглядом, благоразумно умолкла и протяжно вздохнула.

– Подниметесь в комнату? – понятно спросила я.

– Было бы неплохо... еще и бокал вина со смородиной, печенье с грецким орехом и фрукты. – Мадам в очередной раз осмотрела столовую и потребовала: – Фрукты свежие.

После семи часов метаний по местным харчевням? Да еще свежие фрукты? Губа у Алиссии не дура, но мало чем ей поможет. Я позвала из кухни помощниц, дала указания разместить госпожу Тюри в моих комнатах, которые я, по примеру Эванаса, назвала самыми лучшими из имеющихся, и просто дала ключи. Две девушки умчались наверх, еще две спросили, нужна ли помощь с вещами.

– Нужна. – Звезда столичного театра, не дождавшись

кресла с красным сиденьем и круглой спинкой, все-таки решилась сесть на простой стул и скинуть с себя, как оказалось, шубу. – Вещи остались на полпути сюда.

– В какой харчевне? – спросила я, уже прикидывая, когда и как попрошу Торопа принести поклажу наших новых постояльцев. К слову, его что-то долго нет.

– В «Пятаке».

– В Заснеженном? – не поверила я своим ушам. – Вы оставили сумки там?

– Сумки, сундуки и десяток картонок со шляпками. Старый чурбан был уверен, что мы вернемся и разместимся у него! На травяных тюфяках с клопами, под соломенной крышей, где подаются моченые яблоки вместо свежих... Фи! – Элегантным движением мадам сбросила капюшон, попутно скинув большую часть снега с шубы на пол, стол и ближайший стул. Затем медленно развязала тесемки, изящно растегнула пуговицы и, спустив меховое изделие с плеч, посмотрела на меня с недовольством.

Я ответила ей взглядом невинным и вопросительным.

– Вы не хотите взять мою шубу?

– Хочу! Но вряд ли ваш муж обрадуется, если вы сделаете мне столь щедрый подарок, – улыбнулась я и добилась того, что мадам с сопением сама разоблачилась, затем развязала шаль и, сняв с головы, накинула на плечи.

– Красивая... сстерва, – прошипели надо мной, и я согласилась с вампиром.

– Бедный Тюри.

На меня с чувством собственного превосходства взидала брюнетка лет двадцати двух, а может, и двадцати пяти. Фигуристая и подтянутая, молочная кожа, сапфировые глаза, курносый носик и капризно поджатые губки, явно пунцовые от природы. Поправив шаль на плечах, она передала одной из моих помощниц шубу с наказом высушить и немедленно, а от второй потребовала бокал вина со смородиной, обязательно свежей. А затем грациозно приземлилась на мокрый от снега стул, не придав значения моему: «Постойте!»

– Буду я еще пред тобой стоять... – Но, ощутив мокроту даже сквозь шерстяное платье богатого бордового цвета и, вполне возможно, не одну пару подштанников, она подскочила как ужаленная и почему-то позвала мужа: – Эванас!

– Ушел искать для вас кресло.

– Мокрый стул, какая мерзость! – бросила она брезгливо. Но, оглядев «место преступления», быстро поняла, что виновата сама. И скривилась еще больше. – Комнаты, где мои комнаты? Немедленно говорите, мне нужно высушить платье!

– Наверху, правый поворот от лестницы, первая дверь справа, – отрапортовала я и заметила: – Ваши апартаменты могут быть еще не готовы...

– Это отвратительно! – фыркнула она и, прикрывая тыл, решительно направилась к лестнице.

Так, с этой разобрались, следующие полчаса ее слышно не

будет. Поразмыслив немного, я тихо позвала вампира:

– Гилт? Прости меня, пожалуйста, я не хотела...

– Хотела, – хмыкнул он, – но я знаю, что заслужил. Такое больше не повторится.

– Что именно не повторится? – переспросила настороженно. Кто знает, что у этих нелюдей на уме, вдруг он имел в виду мое нападение, а никак не превращение «Логова» в дом терпимости.

– Все, – вздохнул вампир тоскливо и с едва уловимой ехидцей добавил: – Я, так и быть, остальных предупрежу.

Ясное дело, захотел поддеть и вменяемость мою перепроверить, но я уже ученая.

– Спасибо. И раз уж мы пришли к миру и согласию, найди мне Торопа. – Я отправилась на кухню, чтобы собрать поздний ужин для новоприбывших и добавить в вино для мадам сушеную смородину, предварительно размочив ее в воде.

Вояка вернулся через пять минут, когда мы с помощницами успели не только приготовить ванну и подать вино брюзжащей Алиссии, но также разогреть ужин и приготовить комнаты для оставшихся шестерых постояльцев. Я искренне полагала, что, пробыв на сеновале чуть менее часа, Тюри передумает там спать и согласится изменить место ночлега. Однако ошиблась.

– Ненормальные люди, бесы их задери! – бывалый вояка, сплошь покрытый снегом, упал на скамью.

– Да, я такого тоже давно не видел. – Рядом с ним примом-

стился улыбающийся во все зубы Гилт. – Тора, они отказались разместиться в харчевне! Увидали, как хозяин прячется, и припустили за ним. Сколько ни уговаривал пойти в тепло, в ответ одно и то же: «Госпожа Алиссия сюда не явится, побоится испачкать сапоги!»

– А еще они через раз приговаривают, что вот-вот начнет распевка. Не тренировка голоса, а именно распевка, – обрадовал Тороп.

– Средь ночи? – удивилась я, прекрасно представляя, как на это отреагируют остальные постояльцы «Логова». – Пусть только попробует варезку открыть, вылетит отсюда напрямиком в Заснеженный.

– Было бы неплохо, – хмыкнул вояка. – И если не Тюри, то остальные поблагодарят от души. Только представь, труп-па была человек пятьдесят. Первые десять отсеялись еще в Тихом заливе. Вплавь вернулись в столицу. Еще пятеро исчезли, едва корабль остановился в небольшом портовом городке через неделю плавания.

– А спустя еще десять дней, когда при одном лишь упоминании Алиссии глаз начал дергаться не только у всей команды, но и у капитана, супругов Тюри вместе с самыми преданными им людьми ввели в заблуждение... – вампир опять улыбался, не скрывая клыков.

– Попросту выставили, – мой названный отец, якобы стряхивая подтаявший снег с куртки, несильно двинул его локтем. Гилт скалиться перестал, но отсел.

– Остальные члены труппы без проблем поплыли дальше, – хмыкнул он, провожая взглядом порхающую по кухне Асю. – Страшно представить, что за женщина эта Тюри!

– Змея, – ответила я, усердно начищая казан. – Она безостановочно хаёт все, что видит. Еду, мебель, обстановку, расположение окон...

– А еще прислугу, то есть... ее внешний вид и руки в цыпках и с заусеницами, – сипло пожаловалась наша пышечка, всыпая муку в миску.

– Ты не прислуга, а помощница, и руки у тебя ухоженные, – поправила я ее и пояснила полыхнувшему глазами кровопийце. – Ася вызвалась помочь Алиссии с купанием, но вместо благодарности получила лишь упрек... кучу упреков. – Посмотрела на красные глаза девушки, покачала головой: – Так что решено, впредь с этой медам разбираться буду я.

– Почему через «ме»?

– Потому что коза драная! – в один голос объяснили мою позицию девочки и тихо рассмеялись.

– Так, может, мне подняться и спинку ей потереть? Если муженек рожки ей еще не обломал, я сделаю это с радостью... – предложил свои услуги Гилт.

Ася перестала вымешивать тесто и в испуге обернулась к нему.

– Не стоит! Госпожа Тюри не любит, когда прерывают ее подготовку к пению. Она запустила в Рисю пудреницей!

– Что?! – вот тут уж не вампир, а я возмутилась первая. – Когда дело было? Почему мне не сказала?

– Ну... так гостя... важная персона... и певица лучшего столичного театра Вдовии... – Рися втянула голову в плечи и тихо шмыгнула носиком. Тоненькая, как тростиночка, хрупкая как скальник, и взяла-то я ее не для уборки, а в преддверии больших снегов, чтобы за полтора месяца затишья нашить постельного белья с вышивкой, которая получается у девчушки на удивление тонкой, невесомой.

– И когда это произошло? – спросила мягко, чтобы еще больше не напугать.

– Я вино принесла, а она...

Окончания фразы я не услышала, потому что наверху грянул романс в исполнении незабвенной Алиссии:

В лунном сияньи снег серебрится,
Вдоль по дороге троечка мчится.
Динь-дон, динь-дон, динь-дон, дон!
Колокольчика звон.

Тороп зажмурился, девчата схватились за уши, вампир исчез, а я лишь поморщилась, уже четко представляя, как ликвидирую мерзавку, если она сейчас же не заткнется. Теперь понятно, почему члены труппы отказались заселиться в харчевню, они берегли свое здоровье. Звенело все. Стоканы в шкафу, тарелки на полках, казаны и чугунки, стекла в окнах, а еще неприятно звенели натянутые струны в моей

душе.

Этот звон, этот звук,
Словно сердца стук,
Уносит счастье мое-е-е-е-е!

Вот на этом протяжном и явно издевательском «е» мое терпение кончилось. Столичная коза допрыгалась! Шваркнув скребком о пол, я направилась вначале в кладовую, а оттуда, сжимая в руках бесценную маленькую баночку, прямоком в апартаменты, временно сданные певичке. Но ни достучаться, ни докричаться, ни попросту вломиться в дверь, открытую запасным ключом, я не смогла.

– Чтоб ее!.. – выругалась в голос и чуть не завизжала, когда из воздуха рядом со мной соткался вампир. Пригрозила ему кулаком и покачала головой, когда он начал что-то на пальцах показывать. – Не понимаю!

Гилт сообразил и объяснился в перерывах между словами романса.

– Она забаррикадировалась. Дверь подперла креслом... окно закрыла... ставнями... и в ванной стоит. – Другими словами, Алиссия к выступлению подготовилась основательно и до нее не добраться, пока сама медам выйти не соизволит.

– Вот тварь! – в бессилье я двинула по двери ногой. Сказал бы кто, что мне придется ломиться в собственную спальню, ни за что бы не поставила такую прочную дверь и обя-

зательно продумала бы секретный проход в свои покои. А сейчас... что же делать?

Я с сожалением посмотрела на бутылочку в руке, вздохнула.

– Не кипятись... я могу ее придушить... дай только разрешение... – предложил в перерывах кровопийца.

– Так нельзя, – отмахнулась я, но, дослушав очередное пронзительное: «Уносит счастье мое-е-е-е-е!», сообразила, как поступить. – Так ты можешь туда пройти? – Гилт кивнул и коварно улыбнулся, получив в руки дурман и указание: – Четверть капли во все, что она может выпить для увлажнения горла.

Еще один кивок, и он исчез, а я спустилась в кухню. Стерла сегодняшнее меню с доски и размашисто написала: «Готовим кофе для проснувшихся постояльцев», подумала и внесла поправку: «с коньяком». Сочетание двух дорогих напитков должно было умаслить всех потерпевших, во всяком случае, я на это очень надеялась. В то же самое мгновение в кухню ворвался всклокоченный, красноглазый директор театра. Потрясая руками, он что-то кричал, о чем-то молил и умолк удивленно, когда наверху стало тихо. Я была уверена, что он возмутится перерыву в песне и побежит спасать жену, но он поступил иначе.

– Сейчас будет ария, – простонал бледный Тюри, лег на пол и накрыл голову руками, не забыв при этом сообщить: – Спасайтесь...

– Кофе, – напомнила я помощницам и даже не вздрогнула, когда вампир-невидимка прошептал у самого уха:

– Звуковая помеха ликвидирована.

– Она хоть на кровати?

– Не доползла, – ехидно усмехнулся кровопийца и спросил: – Почему ее муж на полу лежит?

– Ждет арию. Кстати, скажи мне, баньши существуют?

– Только в мифах.

– Вампиры тоже оттуда, и ничего, – заметила я тихо и обратилась к директору театра: – Господин Тюри, продолжения не последует. Вставайте. Вы сейчас лично будете чашками раздавать извинения. – Тороп, – я перехватила взгляд вояки, предназначенный Тюри, – не надо его бить, лучше приведи с сеновала остальных беглецов. И скажи всем столпившимся в коридоре, что они удостоились чести прослушать романс «Анти-баньши», и абсолютно бесплатно.

– Чего?! – спросили все, в том числе и директор театра.

– Это был романс, призванный отпугивать баньши, – объяснила я.

– Но их не существует. Это сказки! – возразил Тюри, поднимаясь с пола.

– Эванас, жить хотите? – спросила строго. – Тогда слушайте меня и помалкивайте.

Не сразу, но нам удалось уgomонить взбешенных «ранней» побудкой людей. С самыми агрессивными легко справился Гилт – одним взглядом, он же отправил спать Тимку, кото-

рый не унимался, выпрашивая детали произошедшего. Затем кровопийца вернул мне баночку с дурманом, попрощался и отбыл в неизвестном направлении на весьма значительный срок. И уже Тороп, переняв у него грозный вид, распределил по комнатам измученных актеров, в том числе и непрестанно извиняющегося директора театра.

Бедолага уверял, что его супруга подобные концерты устраивает редко и только в случае крайнего расстройств. И я не могла с ним не согласиться. Ведь медам Тюри, звезде, сияющей на сцене лучшего столичного театра Вдовии, было с чего расстраиваться. И именно об этом она безостановочно вещала с момента появления в «Логове» и до последней секунды концерта. Бедняжка попала в жуткое захолустье с дремучими представлениями о гостеприимстве, с неповоротливой прислугой, с ужасными постоялыми дворами и отвратительными владельцами харчевен, подающими с вином сушеные ягоды. Да, хоть Алиссия и была гадостью столичной, с огородом малознакомой, но обман распознала и ничуть не поверила в исключительный сорт высокогорной морщинистой смородины, которую я ей с вином подала. А может, последняя капля в чаше ее терпения пришлась на пудреницу, пролетевшую мимо Риси и расколовшуюся от соприкосновения со стеной. В любом случае с истеричной певуньей я решила разобраться завтра, а сейчас просто поспать.

Глава 4

Поспать не получилось, я два часа ворочалась на койке в комнате Тимки, прежде чем поняла, что же меня раздражает. Звук шагов из угла в угол, раздающийся над головой. Подумав, что кому-то в кофе не хватило коньяка или что-то иное нужно, я мышкой метнулась на кухню, достала бутыль, налила от щедрот своих полную чарку и пошла на скрип. Будь я менее уставшая и сонная, наверняка бы вспомнила завет Инваго и не открыла на втором этаже четвертую дверь справа. Но так как день был тяжелым, а скрип в покоях отчетливым, я нащупала запасной ключ, укромно хранящийся на притолоке, и без стука, как и без позволения войти, вторглась в выгоревшие покои. Несколько мгновений я стояла, не совсем понимая, куда пришла и зачем, но, присмотревшись к «обстановке», вспомнила, а различив у окна огромного жителя нижних чертогов, видимого лишь до пояса, вздрогнула и пролила несколько капель коньяка.

– Чтоб тебя!

Ужас рогатый обернулся, радостно оскалился во все клыки.

– О, Волчица!

– Демон... – пролепетала я, срываясь от страха на шепот, с трудом удерживая чарку в дрожащих руках. – Черный.

– Коньяк! – сверкнул глазами ополовиненный ужас и очу-

тился в метре от меня. – Старый, – он облизнулся, показав раздвоенный язык. – Крепкий!

Будь моя воля, заверещала бы не хуже Алиссии, но что-то удерживало от крика, а вот от повторения нет.

– Демон...

– Коньяк, – возвестил он, приняв хавшись к чарке, и, не убирая сплющенного носа от напитка и от моих пальцев, спросил: – Позволь испить?

А-а-а, что угодно, только отойди, сгинь!

Но вслух лишь истово заверила:

– Это те... вам! – и, отдав «успокоительное» демону, соскользнула на пол.

– Премного благодарен, Торики ЭлЛорвил Дори! – произнес он с какой-то особенной хрипотцой в голосе.

Я не стала ждать пустую чарку назад, закрывать двери, прощаться и тем более желать приятного сна, а сразу же на четвереньках выползла в коридор, оттуда на полусогнутых добралась до лестницы и уже через секунду полезла спать к Тимке. С ним спокойнее! Уснула без сновидений, едва головой коснулась подушки.

Утром поднялась бодрой, хорошо отдохнувшей и в своей кровати. Обнюхав и осмотрев руки и ноги, на коих не осталось ни следов от ползания по обугленному полу, ни тем более запаха коньяка, я уверила себя, что все произошедшее после полуночи было сном. Но как бы ни была крепка моя вера, я все же осмотрела и чарку и бутылку коньяка, а затем,

в волнении закусив губу, направилась к стогоревшим покоям и обследовала притолоку на наличие ключа.

Ключ оказался на месте! А дверь заперта!

Счастливая, я осенила себя священным знаком Иллирии и не обратила внимания на медам строго вопросившую: «Что было вчера?»

– Ничего.

Попытка уйти не удалась, Алиссия заступила мне дорогу. Растрепанная, с помятым лицом и чуть хрипящим голосом, она повторила вопрос:

– Что было вчера?

– Вы вчера устроили концерт, исполнив прекрасный романс «Колокольчика звон»... – говоря это, я постаралась не скривиться и не поднять руки, чтобы потерять уши, засвербевавшие от одного лишь упоминания.

– Это понятно. А дальше что произошло?

– Вы замолчали, – совершенно невинно представила я ее вчерашний бунт.

– И все?

Тут я не выдержала, улыбнулась:

– А да... было кое-что еще. – Алиссия настороженно посмотрела на меня и была готова услышать худшее, но я все так же миролюбиво произнесла: – Ваш супруг желал узнать, почему после романса не последовала ария, и рвался в ваши покои. Но так как двери были заперты...

– Не это! – Звезда столичного театра искренне не понима-

ла, почему после ее распевки я реагирую так спокойно. Потому, схватив меня под локоток, буквально поволокла за собой, вниз. А именно в столовую, где, несмотря на ранний час, уже присутствовали люди: пять постояльцев и две мои помощницы мирно пили чай и поедали сдобу, приготовленную с вечера. При виде меня все без исключения улыбнулись, и, переведя взгляд на Тюри, поаплодировали ей. Не громко, но слаженно.

– Bravo! – прогремел басом самый крупный из мужчин торговец Сятлов. – Это было великолепно. Я прослезился! – говоря об этом, он пальцами завил рыжий ус и подмигнул скривившейся медам.

– Надо сказать, меня ваше пение также повергло в шок, – поделился своими восторгами лекарь Томис, житель Заснеженного, задержавшийся в «Логове», чтобы переночевать. – Я давно не слышал ничего подобного. Благодарю!

Он даже не постеснялся отвесить поклон, правда, не вставая со стула, что можно было расценить как шутовство.

– И я!

– Я тоже, – подхватили остальные постояльцы, высоко оценившие ночной кофе с коньяком.

Выслушав еще несколько слов похвалы, Алиссия потащила меня в коридор близ кухни, поставила у стены, видимо, чтобы я сбежать не могла, и прошипела не хуже вампира:

– Вот! И что это было?

– Благодарность, – я старалась не улыбаться.

– За что благодарность? – кажется, она начинала закипать. Того гляди, опять устроит «изгнание баньши».

– За пение.

– Как они могут благодарить за пение?! Ведь я... я... – ее возмущение прервали тактичным покашливанием. Наше уединение несмело прервала мадам Ивир, большая поклонница театра, как выяснилось вчера. Я была уверена, что она, как и прочие, выскажет Алиссии свое восхищение, но хрупкая старушка превзошла даже торговца Сятлова.

– Вы сфальшивили в двух местах.

– Что?! – просипела певунья, потеряв голос от подобной оценки. Она даже отшатнулась от меня, но не отпустила.

– Да-да, я понимаю, о таком артистам не говорят, хранят бесценную хрупкость душевного покоя. – Старушка медленно и очень плавно поправила пенсне на тонком носу, крепче перехватила толстый журнал, с коим не расставалась даже во сне, и уверенно произнесла: – Но, увидев сегодня ваши сомнения, я уверилась, что молчать бессмысленно.

– О том, что я...

– Сфальшивили! – с толикой радости заверила Ивир. – Пусть с виду вы заносчивы и высокомерны, но в глубине души, несомненно, понимаете, что талант необходимо тренировать.

– Да я... – певунья всем телом подалась к нарушительнице хрупкого душевного покоя, явно желая ее растерзать.

– Нет-нет, не спешите благодарить, я еще не закончила, –

мягко прервала поток ругани беззаботная и ничего не замечающая мадам Ивир. Прикрыв на мгновение глаза, она вновь уловила ускользнувшую мысль и продолжила экзекуцию Тюри. А та до боли сжимала руки, а вместе с ними и мой локоток. – Вашему пению не хватает души и чистого звона. Знаете, это очень характерно для людей, поднявшихся из грязи, но так и не забывших о ней.

– Слушайте, вы!.. – уязвленная звезда театра отпустила меня и освободила руки для новой жертвы.

– Не стоит мне ничего доказывать, – старушка вновь оборвала ее и, будто бы обороняясь, прижала журнал к груди, – я достаточно услышала. И могу сказать, если первое не исцелить, то второго вы можете добиться, посетив хрустальные пещеры в Тарии...

И в тот самый момент, когда медам решила напасть на ценительницу высокого искусства и без слов втолковать, что талант Тюри неоспорим, в коридоре объявился торговец.

– Мадам Ивир, нам пора. Торика, спасибо за гостеприимство, мадам Тюри, – краткая заминка и очередная благодарность, – искренне рад, что заселился в «Логово» в один день с вами, – говоря это, он погладил себя по выпуклому животу, намекая на извинения в чашках, и улыбнулся. – Всего доброго.

Они ушли собираться, а разгневанная Алиссия ринулась на поиски супруга.

– Эванас! Эван... – певунья заглянула в опустевшую сто-

ловую, затем на кухню и негодую спросила у меня: – Где он? Где мой муж?!

– На сеновале... – ответила я с заминкой, поэтому окончание фразы «...был вчера» медам не услышала.

Она потребовала у Риси свою шубу и как была в легком платье и домашних туфельках, так и отправилась искать мерзавца, оставившего ее одну в самый неподходящий момент.

Это что, она сейчас простынет, заболеет и останется здесь более чем на три дня?! Я против! С этими мыслями направилась будить Тюри. Он долго не отзывался на стук, но стоило упомянуть Алиссию, и дверь тотчас распахнулась.

– Что с ней? – Директор театра, одетый лишь в исподнее, вялый со сна, смотрел на меня с тревожным ожиданием.

– Побежала вас искать на сеновал.

– Правда?! – удивился, как мальчишка. – А зачем?

– Алиссию изумило добродушное поведение людей, коим довелось услышать ее распевку. Поэтому она страстно желает узнать подробности вчерашнего вечера. – По мере моих пояснений выражение лица Тюри из озабоченного стало беззаботным и даже чуточку довольным.

– Что ж, в таком случае я вполне могу рассчитывать еще на час сна. Побегает, поищет. – «Поорет», – добавила я про себя. – И успокоится на время, – завершил он свою мысль и шагнул назад, желая закрыть дверь.

– Охотно верю, но разве вы не боитесь, что ваша супруга простудится и... потеряет голос?

– Шуба на ней? – деловито спросил Тюри.

– Да.

– Тогда все в порядке. меховое изделие заговорено от недугов, как и у остальных членов моей труппы, а может, и посильнее прочих. – И с усталой усмешкой пояснил: – В противном случае я бы не рисковал, согласившись на авантюру с переходом через горы...

– Вы молодец, – охотно похвалила я его предусмотрительность, которая вряд ли спасет в наших горах. – К слову, о вашем переходе. Видите ли, вас ввели в заблуждение и до перевала отнюдь не пара-тройка километров, а значительно больше...

– Тора! – Желая привлечь мое внимание и остановить поток слов, мужчина даже подпрыгнул. – Умоляю, еще хотя бы час, а потом я весь ваш!

– Поняла-поняла... – Я отступила от двери, и он, рассыпаясь в благодарностях, отправился спать.

Эванас Тюри оказался не только продуманным человеком, но и счастливым. Он и его люди проспали еще без малого четыре часа, потому что медам Тюри, вдоволь набегавшись и наоравшись, действительно притихла. Вошла в харчевню, скинула шубу на руки одной из наших девочек и почти по-человечески попросила горячего чая и немного сдобы – без надменного взгляда свысока и ханжеских интонаций. Она устроилась за столиком Гилта полуоборотом к окну, спиной к столовой, чтобы одновременно отслеживать

двор и лишний раз не попадаться постояльцам на глаза.

Оказывается, ей претило выслушивать хвалебные благодарности за вчерашнее выступление. Быть может, из-за критики мадам Ивир или же потому, что большую часть выступления Алиссия не помнила. Хотя волноваться ей не стоило, гостей в «Логове» осталось меньше десятка и все были намерены покинуть нашу заставу до снегов. Поэтому они спешно забирали свои заказы из мастерских, готовили лошадей, собирали вещи и не обращали внимания на застывшую у окна Тюри. Разве что дети милой четы Люпиевых: семилетняя Дороти и пятилетний Себастьян решились к ней подойти, чтобы подарить картину под названием «Изгнание баньши».

– Кого? – переспросила медам, вглядываясь в детские каракули.

– Баньши! – в один голос повторили малыши и водрузили «полотно» на стол певуны. – Вы ведь изгнали ее.

И на правах старшей Дороти поочередно указала пальчиком на двух героинь картины и разъяснила:

– Вот это вы, а вот это она... Видите, вы в белом и с нимбом, как святая Иллирия, а вот она – черная и круглая, потому что... – девочка замолчала, не найдя слов, и тут подал голос Себастьян:

– Воет, – по-мужски коротко ответил он и с невероятной точностью повторил вчерашнее заунывное: – Уносит счастье мое-е-е-е...

Протяжное «е» подхватила и его сестренка, и посрамлен-

ная звезда лучшего столичного театра Вдовии вылетела из столовой, как пробка из бутылки.

– Эй, куда вы?..

– А картина? – озадаченно полетело ей в спину.

– Я передам, – став свидетельницей этой сцены, я похвалила малышей за идею и исполнение, наградила их булочками и отправила к родителям. – Они вас искали, пора собираться.

К сожалению, через минуту мне сообщили о том, что на заставу прибыла посылка, которую нужно забрать срочно и лично мне. Данное условие было трижды подчеркнуто нашим начальником почтового отделения, поэтому за посылкой я отправилась немедленно. Думала, что успею до отъезда Люпиевых, но не вышло. Поэтому я не видела, как Дороти и Себастьян, чуть ли не свесившись под брюхо лошадей, махали моим домочадцам и помощницам, громко заверяя, что они не забудут «Логово» и обязательно вернутся летом. Также я пропустила момент встречи Алиссии и ее выпавшего мужа, а еще не стала свидетельницей пришествия первого «обоза», о котором говорил Гилт. А все это потому, что мне не сказали об эксклюзивности посылок и их габаритах!

И когда Орвис Тикелл вывел меня на задний двор почтового отделения к огромному черному ящику, вручил сопроводительное письмо и сказал: «Забирайте», я долгие пять минут открывала и закрывала рот, не зная, как выразить глу-

бину моего «признания».

– Да как вообще... откуда он здесь появился? – обернулась я к начальнику почтового отделения, а того уже и след простыл. – Чтоб тебя, Инваго Дори! – в сердцах бросила я и открыла чистый конверт без марок, штампов и надписей.

«Здравствуй, родная, – гласили первые строки письма, не обремененного ни именем роднули, ни датой отправки. – Знаю, ты сердишься на меня за долгое молчание...»

Сержусь – неподходящее выражение, я, скорее, зла, и не за молчание, а за умалчивание. Создается впечатление, что Инваго было невероятно сложно предупредить меня о болезненности поцелуев, о посылках, об обозах, о том, что оставленные деньги придется потратить на пересылку, ибо даже один день постоя десяти или двадцати вампиров выльется в копеечку... А я уже губу раскатала, явственно представив, что на те золотые приобрету для «Логова». Но больше всего меня раздражало незнание истинных причин, которые двигали тарийцем, и как ни жаль, но это письмо не могло ничего прояснить. Исполненное нежности и сожаления за разлуку, оно было адресовано пылкой возлюбленной, и никак не невестке. Я не смогла дочитать, всхлипнув, сложила тонкие листы и увидела неожиданно объявившиеся надписи на ранее чистом конверте. В нижнем правом углу мое имя в соответствии с приобретенным статусом Торики ЭлЛорвил Дори и адрес моего родного города Гъяза, а в верхнем левом – имя отправителя и его адрес, в пылу войны сокращенный до но-

мера округа 1.24.56 Данирш. Последний тарийский городок перед границей с Вдовией, время первой военной кампании в наши горы, когда Таллик сорвался со скалы и сгинул в пропасти...

— Уверена, это было письмо потеряшки, вполне возможно последнее, так и не достигшее адресата. Ну и тварь же ты, Дори!

Я развернула листы, желая убедиться в своей догадке, и обомлела, письмо теперь начиналось со строк: «Здравствуй, Торики...», более того оно состарилось, на бумаге появились пятна, на краях трещины, на сгибах просветы, словно бы я в ожидании супруга сотни тысяч раз перечитывала эти строки. И я бы перечитывала. Это послание невозможно было отложить в сторону и забыть, разорвать, сжечь, оно грело душу и не столько словами: «милая моя, нежная Торики», сколько фактами: «Не могу уснуть... Брежу твоими поцелуями... Слышу твой голос... Неоднократно пытался свернуть на зов, даже не замечая, что впереди пропасть... вспоминаю твои глаза, зеленые, как луговой клевер... Прости меня. И заклинаю, дождись. Я не смогу без тебя...» Красиво, жаль не мне, хоть и адресовано Торики ЭлЛорвил Дори.

Так, с этим разобрались, очередная качественная подделка. Я вытерла глаза, немного постояла, вглядываясь в снежную даль за пределами заставы, а затем с новыми силами тщательно осмотрела конверт и листы письма. Иных посланий поверх бумаги больше не было, даже марка никакой но-

вой информации не несла.

– Просто прекрасно... и что мне с этой громадой делать? – я обошла посылку по кругу, мысленно прикидывая, с какой стороны ее открыть и как в «Логово» доставить: по частям или целиком. Решив, что посылка от мага, добрым словом помянула Сато Суо и пожелала старику «доброго» здоровья. Раздумывая, чего бы ему еще пожелать, прикоснулась к гладким доскам ящика и оторопела – он был теплым и... Дрожал? Не поверила, стянула перчатку с правой руки, прикоснулась повторно. Нет, не дрожит, но греет. И в следующее мгновение прозрачный камень в перстне Дори потемнел, а ящик с хлопком сжался до размеров обувной коробки и завис под моей ладонью.

Давно я так не пугалась, до икоты, до мороза, пробегающего по телу от затылка до самых пят, до черных точек перед глазами. Хотя нет, если сравнивать, то ночной кошмар с ополовиненным демоном был пострашнее. Но все же! Сложно было предупредить? Записку оставить или инструкцию по применению? Передать сообщение через Гилта или его конверт! Бестолочь!.. Чтоб его!.. Заморозило, к полу припечатало, изжарило!

Я подхватила ящичек, не превосходящий по весу и трех килограммов, и пошла к своей Мартине. Пегая красавица мне обрадовалась, а вот посылке – нет. И стоило кобылу отвязать от столба, как наглая тварь сбежала, громким ржанием оглашая всю округу.

– Стой! Стой... Мартина! – Я топнула с досады и позвала ее повторно: – Ко мне, ко мне, сказала!

А в ответ довольное «иго-го» и легкая трусца по направлению к «Логову». И что обидно – эта зараза доберется до него за пять минут, а я два часа потрачу.

– Скотина! – я пнула ближайший сугроб, глухо ругая строптивное животное, не вовремя вспомнившее о своем норове: – Овсом не накормлю, сушеное яблоко не предложу, соли пожалею. Гадина гривастая!

– Волчица?!

Я обернулась на оклик и постаралась не скривиться. Тасор Галжский, бывший мой... помощник. Когда-то давно мечтала, чтобы он моим мужем стал, пусть и не законным, но родным, а он лишь в любовники метил, но прямо об этом не говорил. Улыбки, флирт и поцелуи сроком в неделю закончились, едва я узнала о его несовершеннолетней невесте из Заснеженного. Видите ли, пока она там приданое готовит, он тут форму поддерживать не забывает. Мерзавец и свинья. Два года прошло, и все равно обидно. Не дура, не уродина – и не привлекла. И что прицепился-то теперь? Глаза горят, улыбка так и светится, неужели супруга на сносях, а форма пропадает зря?

– Как поживаешь?

Я молча сверлю его взглядом. Раздобрел, порыжел пуще прежнего, бороду отрастил, чтобы скрыть второй подбородок. На щеке шрам, на клин похожий. Слухи ходят, что Та-

сор его в драке с поножовщиной получил. Но я от постояльцев знаю, это метка от тестя, напоминание, чтоб Галжский супругу не бил. Когда-то я им восхищалась, потом тихо ненавидела, сейчас презираю и видеть не хочу.

– Ты почему молчишь? – интересуется он, и улыбка меркнет, стоит нашим взглядам встретиться.

– А тебе что, жить негде, в «Логове» решил заночевать?

– Нет... – ответил он с заминкой.

– Есть нечего?

– Да как бы... – усмехнулся моему предположению, бо-роденку свою поскреб, сверкнув на зимнем скудном солнце тремя перстнями на пальцах. – Я жизнью доволен.

– Тогда чего ко мне прицепился?

А он взглядом косит по сторонам: не услышал ли кто, как его внимание отвергают.

– Да просто давно тебя не видел.

– Еще бы столько же не видеть, а лучше – вдвое больше. – И, перехватив свою ношу крепче, решила обогнуть его сани и пару впряженных в них лошадей. Он не дал, прицыкнул, и холеные черные жеребцы преградили мне дорогу. Правда, затем, словно беду почуяв, отшатнулись, чуть не свалив Галжского с саней. Но тот не отступился, решил догнать.

Если подумать, от подарков Дори один лишь только прок, и от кольца и от посылки. Жаль только, что людей они не отпугивают. Бывший помощник менее чем через минуту поравнялся со мной.

– Что ты сразу огрызаешься, я же всего-то спросить хотел...

– Что? Спрашивай... Ну! – поторопила умника, страстно желая от него убежать.

– Говорят, ты замуж вышла, – бросил он, не разжимая зубов, и я остановилась в недоумении. Во-первых, откуда он знает, а во-вторых, с чего вдруг решил спросить?

– Вышла. И что с того?

– За тарийца... – Вот это уже сказано с презрением. Того глядишь, в упрек поставит, что выбрала не его.

– Ну и?

– Знатного рода...

– Так и есть, – я криво улыбнулась, ожидая, когда же Галжский перестанет ходить вокруг да около и меня задерживать. Посылка неприятно оттягивает руку, напоминая, что малый вес со временем «становится» все тяжелее и тяжелее. Солнце спит, мороз колет, а этот все никак не договорит.

– Фамилию его со своей соединила... – Прошипел.

– Ага.

– Пять лет назад! – выдохнул со злостью и сплюнул, словно бы я ему кровный враг. Бровью не повела, улыбнулась ехидно, ведь чувствуется – мозоль у мужика нехилая, но наступила на нее не я.

– Кажется, кому-то во время волны бракосочетаний на обряде делать было нечего, в храме в уголке сидел, надписи на алтаре читал, годы высчитывал.

С удовольствием проследила за тем, как он изменился в лице, и невинно спросила:

– Кстати, а кого ты «замуж» выдавал?

– Не твое дело! – и рывкнул так, что сразу стало ясно – их гостиницу в Заснеженном тоже какому-то тарийцу отдали. А так как управленцев там три мужика и лишь одна женщина, значит...

– То есть жена у тебя нынче двоемужница, а нахамить ты решился мне.

– Ее вынудили, а ты... по собственной воле вышла за врага!

Вынудили – неподходящее слово. Я точно знала, что тарийцы прагматично предлагали владельцам имущества несколько вариантов дележа и уже те решали, как поступить. И то, что он называет принуждением, вряд ли было худшим из решений. Но сказать это я не успела, неожиданно оказалась схваченной за шею и прижатой к шершавой стене в ближайшей подворотне. Здесь было темно, неприятно пахло и еще здесь было чуточку страшно. Потому что невменяемый Галжский одной рукой меня держал, а второй расстегивал мою одежду, попутно шаря по телу и грубо сжимая все подвернувшееся.

И вот стою я и понимаю, что расслабилась. Действительно, непозволительно расслабилась, выйдя замуж за потеряшку. Уверовала в хранителя рода, в честность Дори, в силу его нелюдей и всеобщее подчинение им. Ведь пока Гилт был

здесь, никто, ни одна сплетница, ни один зубоскал меня не полоскал и помоями от души не поливал. И вот на тебе, потеряла бдительность и волчью хватку, из «Логова» уехала без оружия, а возвращаюсь без... коня. Одним словом – потеря, под стать неведомому супругу. Подумав об этом, посмотрела на идиота порыжевшего, покачала головой. И чего он своими поползновениями добиться хочет? Напугать? Глупость! Все ж знают, что у него с недавних пор не стоит, а у его жены чешется – кстати, именно от нее все и знают.

– Тасор, убери руки. – Не внял, грудь мою сжал сильнее. – Тасор, не доводи до греха. Хранитель рода Дори тебе все конечности оторвет, но жить оставит.

Ослабил хватку, засопел. А глаз не поднимает, взирает на кружева нижней сорочки и меня вниманием своим морозит.

– И чего ты взъярился, что у жены теперь тариец в супругах?

Не ответил. Что ж, продолжим расспрос.

– Подумаешь, воин, подумаешь, сильный... он будет далеко, а ты всегда рядом. – Со вздохом самолично убрала от себя руки Галжского, начала застегиваться. – И вот что, хватит стесняться, сходи к лекарю, возьми от своего недуга лекарство...

– Он еще не приехал. – оборвал меня рыжий увалень и отошел на шаг.

– Приехал. Лекарь Томис как раз в моем «Логове», вполне возможно, сидит сейчас в харчевне и наслаждается ари-

ей. — Вспомнила о медах Тюри, потеряла уши и уже совсем другим тоном обратилась к бывшему... помощнику. — Кстати, за глупость твою я конфискую сани, а ты пройдишь, проветришься.

Я думала, прогулка хорошо помогает от тяжелых дум, но ошиблась. До «Логова» Галжский не дошел. Пока я наслаждалась быстрой ездой на санях, вдыхала морозный воздух и радовалась солнечным лучам, мой бывший помощник калечился. Вернее, как гласила записка, отправленная к лекарю, Тасор скользил на льду, падал и... ломал руки, а затем и ноги. В процессе, возможно, задел и голову. Иначе не объяснить, где он лед нашел и почему отказался ехать к лекарю в «Логово». И когда местные хранители правопорядка вытащили его из сугроба, идиот рыжий зарекся ко мне приближаться. Наверное, узнав об этом, следовало обрадоваться, но я лишь махнула рукой, отдала сани спешившему на помощь лекарю и, подхватив посылку, направилась к крыльцу.

Но едва занесла ногу над ступенькой, как на меня из-за поворота вылетела взмыленная беглянка. Глаза как блюдца, грива дыбом, хвост дугой. Уж думала, она меня сейчас затопчет и не заметит, но кобыла заметила и, более того, обрадовалась. С диким ржанием затормозила, плюхнувшись на круп и выпрямив передние ноги. Знать не знаю, как ей удалось повернуть, но скотина с наглым норовом оказалась позади меня, лбом в спину ткнулась и захрипела.

Причина ее страха и забега вокруг харчевни оказалась

здесь же через секунду – злой оборотень в порванной куртке, со снежной «шапкой» и древесными «перышками» на голове. Ох, чует мое сердце, кто-то влетел в сугроб возле дровяницы и основательно ушибся.

– Асд! Какая радость, как добрался?

– Замечательно, – по слогам процедил он, стряхнул «шапку», повел плечами и медленно пошел на меня. – А ты как добралась? На своих двоих.

– Вообще-то, на санях.

– Но она тебя сбросила и сбежала, я правильно понял?

– Не сбросила, но оставила, – я покосилась на Мартину и чуть не подавилась словами. Кобыла взирала на меня как на предательницу, не забывая при этом косить взглядом на оборотня и нервно дергать ухом. Невольно забеспокоилась: – А что такое? Ты хочешь ее проучить?

– Да, – ответил двуликий, перехватил мой взгляд и быстро исправился: – Нет, что ты... Только и хотел угостить вот этим, чтобы она тебя из-за посылок больше не бросала. – В ладони оборотня появилось яблоко, маленькое красное, с виду сладкое.

Подношение взяла, протянула его кобыле. И она им, не брезгуя, тут же захрумкала и на ноги поднялась.

– Ну и чего ты ей яблоко не дал? Напугал, заставил вокруг харчевни побегать.

– В глотку затолкать хотел для понимания, как первые два, – как на духу выпалил Асд, и пегая подавилась. – Ви-

дишь, она теперь больше понимать начала, а сейчас еще помнеет, и будет у тебя...

– Говорящая лошадь! – выпалил вышедший на крыльцо Тимка.

Минута молчания. Мальчуган в немом восхищении взирал на Мартину, я – на нее же с ужасом, а вот Асд на мальчишку – с неодобрением.

– Какое там, говорящая! Тоже мне, выдумал. Да чтоб эта дурында заговорила, нужно демону душу заложить, а то и две! И то не факт, что кобыла хоть слово скажет, при ее-то интеллекте. – Оборотень забрал у меня посылку, хлопнул беглянку по возмущенной морде и послал в стойло. – Иди с глаз долой, пока не получила. А ты... – перст указующий и взгляд грозящий он обратил на Тимку, – шагом марш в комнату и на улицу без шапки ни ногой.

Я с удивлением проследила, как лошадь и сорванец удалились от места встречи, а до того хмурый Асд вдруг расплылся в предвкушающей улыбке:

– Покормишь?

– А, так там только разогреть... – вспомнила я о наличии блюд и услышала невероятное:

– Нас двадцать семь, и все очень голодные.

Глава 5

Двадцать семь!

Двадцать семь!

Я убью Дори. Нет, я линчую Гилта! Уж этот гад явно знал, когда прибудет так называемый обоз, или догадывался. Хотя чего далеко ходить, вон Асд сидит в столовой, уж его-то я стукнуть могу за то, что не предупредил о скором явлении!

С этими добрыми мыслями вышла в зал и села напротив оборотня. Его сотоварищи по переходу через горы уже поели и наслаждались сладкими булочками с компотом, благо-склонно улыбались мне и подмигивали моим помощникам. Девчата на них внимания не обращали, слаженно убирали со столов, не поднимая взгляда на новых постояльцев. Устали, это было видно невооруженным взглядом, я и сама начинала клевать носом, а на дворе еще не вечер. Сейчас им всем ванну приготовь, комнаты протопи, кровати расстели, вещи разнеси, разложи... чтоб их! Когда постояльцы прибывают по двое-трое каждые два часа, справиться легче, но когда вот так – гурьбой, обслужить их невероятно сложно. Тороп и Тимка уже растопили камины в шести комнатах, где ново-прибывшие будут спать по двое, осталось еще пять, где гости разместятся по трое. И пойдем мы с девчатами набирать для них ванны, таская воду в ведрах от кранов, что стоят в каждом коридоре. Я могла бы радоваться своей прошлой

прозорливости и тому, что каждую комнату оснастила нато-пителем от камина и канализационным сливом, но как пред-ставляю восемь ведер на постояльца, так дурно и становится. Потому что в преддверии снегов мною наняты четыре хруп-кие помощницы, а не толпа здоровых мужиков.

И это называется, система не справляется. А что будет вес-ной? Когда через нашу заставу протянется дорога, соединя-ющая две столицы ранее враждебных государств, и поток по-сетителей увеличится вдвое, если не впятеро. Ответ прост. Ужас будет. «Логову» нужен капитальный ремонт, но он вы-лется в неподъемную копеечку. От бессилия и предстояще-го забега с ведрами глухо застонала.

– Тора, ты чего? – забеспокоился оборотень. – Что-то слу-чилось?

– Да! Хочу центральное отопление с котлом и водопровод под напором!

– А у тебя разве нет такого? – удивился Асд с усмешкой. – Ты же только после ванны постояльцев пускаешь в кровать.

– Ага, пускаю. И ты ошибся, здесь нет центрального отоп-ления.

– Как же вы тогда?..

– Ручками, – пожаловалась я и встала с тяжелым вздохом.

– Постой, – оборотень ногой двинул мой стул к столу, и я как подкошенная плюхнулась на сиденье, – то есть до сих пор вы ванны вручную набирали?

– Да.

– А смыв в отхожем месте? – спросил он тихо.

– А это как раз вода из ванн с верхнего этажа, которая идет в зачарованные баки... – Увидев взгляд оборотня, постаралась объяснить доходчивее: – То есть все на первом этаже смывается водой из ванн со второго, а вот все, что на втором, из бочек на чердаке. Мы их раз в месяц наполняем.

– Мудрено, – задумчиво протянул он, и не понять, то ли похвалил, то ли посетовал на сложность.

– Так расход воды меньше и экономия... – попыталась встать, но двуликий опять не дал.

– Да сиди ты! – махнул рукой и отдал приказ пятерым из своих спутников: – Северный, Тагро, Упы и вы, братья Кио, подняться наверх, найти Торопа с мальчишкой, помочь в растопке и с наполнением ванн. – Затем посмотрел на меня и спросил сурово: – К натопителям сама подключишь или доверишь моим?

– А справятся... – я не договорила, на лице оборотня появилась лукавая улыбка. – Доверю!

Радостная опустилась на стул, позвала к себе Асю, попросила принести булочку и крепкий чай, а еще сказала, что девочки до вечера могут отдохнуть. И настроение мое устремилось в гору, и даже пение, доносимое ветром, не портило его.

Как оказалось, вместе с четой Тюри увязались отнюдь не вольные актеры, а неподвластные служащие семьи: два охранника Эванаса, две горничные Алиссии и личный учитель пения, так называемый куратор голоса. Эту должность

занимала пожилая дама с осанкой королевы, седыми локонами в буйной рыжей шевелюре и нестигаемой волей. После ночного романа «Колокольчика звон» она, как и мадам Ивир, поймала певунью на фальши и вот уже без малого два часа третировала... То есть тренировала в закрытом помещении на периферии «Логова», иными словами, на сеновале.

Грела мысль о том, что после пения по указке Алиссия лишний раз рта не откроет, и будет нам тишина: без одергиваний, понуканий, капризов, неприятных или же унижительных сравнений. А впрочем, я уже знаю, как с ней поступить в случае очередного бунта, четверть капли дурмана на бокал, и прощай проблема.

Столовая вскоре опустела, остались только двое старых постояльцев, Асд и я. Появилась возможность обо всем расспросить оборотня:

– Так, та пятерка – твои сородичи. – Он кивнул с гордым видом. – А остальные, получается...

– Кровососики, – оборотень расплылся в широкой улыбке и хлопнул себя по лбу: – Совсем забыл, что обязался отчитаться их клыкастой мамуле.

– Оба хороши, – тихо усмехнулась я, наблюдая за тем, как двуликий выудил из-за пазухи знакомый мне черный конверт, листок и перо и со шkodливым выражением лица отправил записку вампиру.

Конверт вернулся через минуту и зашипел при открытии.

– Так-так... – взгляд оборотня вначале полыхнул интересом, а затем помрачнел.

– Что там?

– Ничего хорошего, – вздохнул он и протянул тоскливо, почти что проскулил: – Завтра ночью отбываем и даже не попробуем твоих пышек-пирожков. – И взгляд такой, что сложно не понять, Асд просит снизойти до бедных и несчастных собачек и кровососиков.

– Ладно-ладно. Так и быть, с собой вам наготовлю, – и чтобы не сильно радовался, добавила: – но у меня условие. Где-то в Тарии застряла моя посылка с горелкой, тканью и мелочами для «Логова», и она мне очень нужна до снегов.

– Тьфу ты! – фыркнул двуликий беззлобно. – Я-то думал, чего поущественнее попросишь, а ты... Хозяйка.

– Какая есть.

– Хоть бы что-то для себя попросила, например: мужика на ночь, шерстяную грелку в постель или волка под седло. Вначале ты на нем, затем он на тебе... – не договорил, получил пустой чашкой по лбу. – Ай! – Увидел, как я берусь за тарелку, вскинул руки. – Да шучу я, шучу...

Кивнула, но хмурого взгляда не отвела. И он ответил таким же.

– Спасибо, конечно, что чашка неполной была, но что ж так сразу драться-то? Ты бы хоть для начала словесное предупреждение выдвинула, а затем уж...

Вот тут я насторожилась, вспомнила, как гости на помощ-

ниц смотрели, спросила:

– А что, Гилт об излишнем идиотизме не предупредил?

– Шипел что-то о неуместных шутках, их последствиях и о твоей тяжелой руке. Но я занят был и не вслушивался, да и толку – в подробности клыкастый не вдавался.

– И правильно, о том, что он по шее получил, особо распространяться неохота. Но я надеюсь, ты теперь сам все уяснил. – Посмотрела так, чтобы оборотень понял – хочешь пирожков в дорогу, от шуток воздержись. Однако его не проняло.

– Гилт? По шее?! За что?

– За то, что скалился одной из девушек.

Забрала из его рук свою чашку, водрузила на опустевшую тарелку и уже думала уйти, когда двуликий неожиданно спросил:

– Какой девушке он скалился? Не томи, говори скорее, а лучше покажи. – И таким тоном это произнес проникновенным, что я sluкавила и указала на Алиссию Тюри, гордо шествующую через двор к харчевне. Волосы развеваются на ветру, глаза горят, губы пунцовые, кожа алебастровая с робким морозным румянцем. Я сама бы восхищенно засмотрелась на медам, если бы не знала, какая она гадина.

– Гм, красивая стерва, но... А ладно, если рот заткнуть, вполне так ничего.

Посуда выскользнула из моих рук и со звоном попадала на стол.

– Асд, ты решил за ней приударить? Но она замужем, к тому же звезда театра и самая настоящая капризная дрянь, – вспылила я. А в ответ усмешка:

– Почему бы и нет? Гилт на совсем уж плохое заглядываться не станет. – Ухмыльнулся и поднялся с завоораживающей грацией матерого волка.

– А ну сел! – по возможности грозно потребовала я и даже за локоть дернула. Успеха не добилась, обратно не посадила, но хоть от вошедшей Алиссии отвлекла. – У вас с Гилтом что, соревнования, кто больше девок под себя подомнет?

– Нет. Вообще-то раньше только на тебя и твою готовку спорили. Но теперь, когда ты безвозвратно утеряна в замужестве, приходится искать альтернативы.

– Какие альтер... – начала было я и осознала невероятное – он серьезен как никогда. – Что значит безвозвратно утеряна?

– Так ты же замужем, – развел Асд руками и хотел устремиться к певиче, но я опять дернула его на себя.

– Но мой муж потеряшка, а значит... – посмотрела на хмыкнувшего оборотня и, не скрывая ужаса, спросила: – Он что, вернется?!

Руки опустились, сердце замерло.

– Кто знает, – ответил двуликий и вышел из-за стола.

– Асд! – позвала я громко, но гад хвостатый даже не обернулся. Сбежал.

И я бы в два счета его догнала, за барки схватила и правду

вытряхнула, но мне дорогу заступила раздосадованная звезда.

– Чай мне и сахарный рогалик.

– Сегодня только булочки, – ответила я, не зная, как от нее избавиться. Но Тюри неожиданно всхлипнула: «Дайте сладкое хоть что-нибудь!» – и я осталась. С Асдом чуть позже разберусь, а сейчас предотвращу голодную истерику. – Одну минуту.

Влетела на кухню, в считанные мгновения разогрела порцию обеда на одного, украсила мясо зеленью, добавила к картошке соус, который медам пусть и охаяла, но съела. Так же водрузила на поднос чайник с чаем на травах и булочку с изюмом и сушеной вишней. Подумала и добавила еще одну, с яблоком. Это все я споро выложила на стол перед подозрительно тихой Алисией, но вместо спасибо услышала обычный для нее укор:

– Вы не уложились в минуту. И мясо я не заказывала.

– От заведения, бесплатно! – выдала я коронную фразу господина Тюри, который с лихвой оплатил трехдневный «сеновал» для всех семерых постояльцев.

– В таком случае подайте еще кофе, – буркнула она и замолчала так, словно бы еще что-то хотела сказать.

– В него чего-нибудь плеснуть? – догадалась я по ее вороватому взгляду на дверь из прихожей.

– Две порции.

Что ж, исполним. Приготовила кофе и плеснула в него две

порции коньяка. Когда я вернулась в зал, за столом Тюри уже сидела куратор голоса, отщипывала кусочки от булочки с изюмом и царственно отправляла их в рот. Я даже засмотрелась на церемонность ее движений, пока до меня не долетел довольный голос медам:

– А вот и ваш кофе! – И смиренно с извинением: – Надеюсь, вы не посчитаете, что я позволила себе лишнего, добавив туда немного горячительного.

Звезда театра подалась мне навстречу, захватила с подноса чашку и самолично водрузила ее на стол перед смущенной дамой.

– Не переживайте, мужу ни слова не скажу, все только между нами, – прошептала Алиссия и посмотрела на меня так, что я тотчас принялась вспоминать о каком-нибудь важном деле. Например, о погоне за оборотнем.

А змея может быть очаровательной, когда преследует собственные цели. Теперь ясно, почему на ней женился Тюри, оценил не только голос, но и актерские данные.

– Что ж, мне пора, – произнесла я с улыбкой и, уже выходя из столовой, добавила: – В дальнейшем вас обслужат помощницы.

Асда я не нашла ни наверху, ни во дворе, ни на сеновале, куда вели свежие следы его сапог. Зато успела полюбоваться на то, как споро его сородичи разносят воду по комнатам. Они не воспользовались ведрами, а взяли у Тороба большие бадьи объемом в четыре ведра, поэтому к момен-

ту моего явления нелюди почти справились с заданием. Довольные и счастливые, они обменивались едкими подколками и подмигивали Тимке, который давил на кран и накачивал воду. Но стоило попросить помощи в поиске их предводителя, все они отказались куда-либо идти по причине усталости, и малец их поддержал, сказав, что у командующего обозом важная встреча.

– С кем? Где? Когда?

– Не знаю! – братец со смехом унесся догонять оборотней.

– Диверсия, – улыбнулся Тороп, сложил бадьи в кладовке и похлопал меня по плечу. – Не расстраивайся, парень растет.

– Да я ни слова на эту тему. Хотя обидно, конечно, но... – протяжно выдохнула и задала волнующий меня вопрос: – Ты знаешь, где Асд?

Качнул головой:

– Знаю лишь, что он очень занят и уезжают они завтра в ночь.

– И наберут с собой пирожков.

– Хороший знак, – похвалил вояка, – наготовьте с девчатами побольше, и слух о «Логове» распространится за многие километры от нас.

– Тороп, они все съедят на первом же привале, это во-первых, а во-вторых, откуда мысли о широкой известности. Бывший вояка покачал головой, произнес с укоризной:

– Может, и съедят, но вспоминать о ней будут долго, нудно

и вслух, это во-первых, а во-вторых, слух о «Логове» дойдет до столицы. Не думаешь же ты, что они идут в Данирш.

Он сказал, а я и вспомнила! Данирш. Письмо. Муж-потеряшка. Сбежавший от ответа Асд. Ну почему мне кажется, что в этой мирной неосведомленности я упускаю что-то важное! Что-то существенное, касающееся меня! И это что-то гады-нелюди таят по просьбе Дори, а тот, истинный тариец, все скрывает в угоду личной прихоти.

– Мне нужно уехать.

– Куда? – забеспокоился Тороп.

– В храм, хочу узнать, что упустила.

И узнаю. Ведь если Суо провел наш с потеряшкой брак по всем законам, значит, у благочестивого Ясмина должен храниться свиток копий родовой книги Дори.

* * *

Сглупила. Ой, как же я сглупила.

Не поевшая толком, не отдохнувшая покинула «Логово» на ночь глядя. И пусть в этот раз вооружилась не на шутку, но попала в самое затишье перед бурей. Другой бы этой поре обрадовался, но я-то уже ученая, знала – еще немного, и по всему склону развернется снежный ад. Назад возвратиться не успею, а до храма добраться еще оставался ничтожный шанс. И я пришпорила Мартину, пригнулась к ее шее и невесть каким образом добралась к белым воротам за

несколько секунд до страшной непогоды. Едва открыла калитку и завела Мартину во двор, как бушующий мрак опустился на наше предгорье. Завыл, застонал, затрещал, ломая деревья, сдирая сугробы со скалы, кроша камень и срывая дерн.

Калитку я тотчас захлопнула, обернулась и не поверила собственным глазам: во дворе храма было тихо, сухо и тепло. А где снег, где грязь, лед, лужи, в конце-то концов? Тут же, по моим воспоминаниям, должны быть огромные сугробы, замерзшие озера и гигантские сосульки, коими славилась эта божья обитель! Оглянулась по сторонам, подмечая и новые кадки с зелеными растениями, и тяжелые деревянные скамейки, белый скальник, ползущий по стене, и только потом сообразила посмотреть наверх. Туда, где в черноте неба дрожит и переливается магический купол. И тонкая вязь его плетений, перемежаясь со смутно знакомыми рунами, белым сиянием озаряет все вокруг. И нет сомнений, я сейчас воочию вижу откуп за наш с Дори брак.

– Сато Суо, чтоб тебя!

Кобыла поддержала меня громким ржанием, и боковая дверь храма тут же отворилась, выпуская благочестивого хранителя, босого, в светло-зеленом переднике, повязанном поверх подвернутых штанов, с ножницами в одной руке и лейкой в другой.

– Доброго дня вам, Ясмин, – сказала, стараясь не глазеть на впалую грудь мужчины и на татуировку хранителя брач-

ных уз, что опоясывает его и ползет по бокам от пояса до шеи. – Извините, что отрываю...

– Торики ЭлЛорвил Дори! Света и радости вам и вашему супругу! – Садовый инвентарь из рук служителя быстро перекочевал на ближайшую скамью. А сам Ясмин выудил из передника яблоко, протянул его Мартине и, взяв меня за руки, спросил: – Вы пришли за благословением на рождение сына?

Моя лошадь подавилась, я остолбенела.

– А... – абсурд, хотелось сказать мне, но слова закончились, ибо хранитель брачных уз решил пояснить свое предположение.

– Ваш муж был так счастлив вернуться к вам после войны и повторить клятвы, что обещался в этом же году построить дом, посадить дерево и зачать первенца. Росток дерева я ему уже подарил, разрешение на строительство подписал, дело осталось только за...

И с каждым словом благочестивого мне становилось все хуже и хуже. Брак настоящий, никакой фикции, его благословили не только боги, хранитель рода, но и служитель храма. И если Таллик вернется, я вновь стану бесправной...

– Вы побледнели, – заметил Ясмин и обрадовался, – так вас уже можно поздравить? Простите мою невнимательность! А я держу вас во дворе... – С этими словами он повел меня в храм, забрал мой плащ, куртку и перчатки, усадил на диванчик в приемной у алтаря и подал чашку воды. А

сам отправился устроить Мартину, ибо метель разыгралась нешуточная, успокоится не скоро, и назад он меня одну не отпустит, и уж точно не на лошади верхом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.